

Первая

18+

Оливия Вильденштейн
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Оливия Вильденштейн
Перья
Серия «Freedom. Ангелы
Элизиума», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69132304
Оливия Вильденштейн. Перья: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-185760-8

Аннотация

Остался всего месяц, чтобы получить недостающие перья для моих крыльев. Как только я соберу все, смогу вознестись в Элизиум и выйти замуж за архангела. Поэтому я отправилась в Париж на выполнение нового задания.

Знакомьтесь, Джаред Адлер – самый грозный и в то же время самый обаятельный грешник на земле. Если заставлю его совершить хотя бы один добрый поступок, я сразу получу все недостающие перья и завершу свои крылья. Вот только Джареда уже пытались изменить. Сто тридцать один ангел. И все безуспешно.

Но я решительно настроена выполнить задание.

Оказалось, что Джаред тоже решительно настроен... уничтожить меня. Если мое сердце будет биться для кого-то, кроме него.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	62
Глава 8	67
Глава 9	74
Глава 10	84
Глава 11	93
Глава 12	100
Глава 13	114
Глава 14	124
Глава 15	138
Глава 16	147
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Оливия Вильденштейн

Перья

Olivia Wildenstein

FEATHER

Copyright © 2020 by Olivia Wildenstein

© Умитбаева П. Б., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Роман “Перья” изысканно стирает грань между добром и злом».

Кейси Л. Бонд,

американская писательница

«Запретный роман в самом страстном его проявлении!»

Даниэль Дженсен,

автор книги «Королевство моста»

* * *

Иерархия ангелов

Серафим

Также их называют архангелами.

Всего их семеро.

Высшие небесные существа.

Истинные (чистокровные ангелы)

Малахим

Сборщики душ.

Истинные

Ишим

Оценщики. Определяют баллы греховности.

Истинные

Арелим

Стражи небес.

Истинные и гибриды

Офаним

Работники гильдии: профессора и руководители.

В основном гибриды, но ими могут стать и истинные

Неоперенные

Юные ангелы, которые еще не заработали свои крылья.

Истинные и гибриды

Нефилим

Падшие ангелы. Опозоренные. Бескрылые.

Смертные.

* * *

Свет виден только во тьме.

Пролог

17 лет назад

Джаред

В день похорон моей матери небо цвета стали осыпало землю снегом, припудривая решетки могил и мавзолеи на кладбище Монпарнас¹. Лишь немногие нашли в себе силы покинуть постель, чтобы присоединиться к нам. Но даже их мотивы были эгоистичны: они либо работали на нашу семью, либо надеялись снискать расположение дяди.

– Джаред.

Я обернулся на звук своего имени. Снежинки опускались на мои глаза, таяли и стекали по щекам, заменяя слезы.

Дядя кивнул зрителю, что держал чашу. Одно ужасное мгновение я был уверен, что в ней находится прах моей матери. Внутри все сжалось.

– Это просто земля, сынок, – холодный ветер донес до меня слова дяди, – чтобы бросить в могилу.

Мими обняла меня за плечи, поцеловала в макушку и отправила исполнить свой последний долг перед человеком, из-за которого она теперь вынуждена взвалить на себя материнские обязанности.

Выпрямившись, я подошел к священнику, взял ложку из

¹ Кладбище Монпарнас – одно из самых известных кладбищ в Париже, где похоронены многие политики, ученые и деятели культуры.

его толстых волосатых пальцев и пристально посмотрел на рыхлую почву. Затем набрал землю и кинул в темную яму, из которой моя мать уже никогда не восстанет.

В яму, в которую она попала по моей вине, хоть дядя и утверждал, что сердце матери остановилось из-за смерти отца, а не из-за ножа для писем.

Глава 1

Наши дни

Лей

Я никогда не теряла ни одного пера.

Однако это не значит, что я была идеальна. У идеальных ангелов нет разрушающего пристрастия к сладкому или любовным романам. Я не теряла перья лишь по той простой причине, что ни один из моих недостатков не считался настоящим грехом. Благослови за это Элизиум, иначе кости моих крыльев были бы такими же гладкими, как попа херувима².

Сквозь непрекращающийся дождь и гудки машин, которые попали в пробку в вечерний час пик, я расслышала раздосадованный стон Евы.

– Это снова Бен.

Хоть свидания и не поощрялись, но мне и моей лучшей подруге всего через месяц должен был исполниться двадцать один, так что наши мысли постоянно разрывались между парнями, помощью людям и восхождением на Элизиум, в наш будущий дом.

Каким-то образом желтое такси умудрилось найти лазейку на узкой дороге и облило сточной водой мое темно-синее

² Херувим – ангел, который часто изображается как младенец с крыльями.

платье и ботильоны. Я ахнула, увидев, как бежевые бусины грязи стекают по моим икрам прямо в ботинки.

– Не то чтобы я очень удивлена. Он безостановочно звонил мне с того момента, как... – Ева оторвала взгляд от телефона и заметила творящийся со мной мокрый беспредел. Она стрельнула взглядом в удаляющегося таксиста, резко развернувшись и ударив влажными черными волосами по моей руке. Из рта девушки посыпались слова, очень похожие на ругательства, но это были не они.

За мат могут снять перья, а Ева уже лишилась нескольких и была так близка к потере своих крыльев, что невероятно внимательно следила за употреблением одобренных ангелами слов.

– Поверить не могу, – возмутилась она, передавая мне салфетку, которую мы взяли в кафе-мороженом по пути в гильдию.

Хоть мы и спешили поскорее укрыться от ливня, сладкий молочный запах привел нас прямо к прилавку, где Ева заказала себе кофе без молока, а я взяла густой молочный коктейль из свежей малины.

Моя подруга проводила взглядом задние фары такси.

– Некоторые люди такие бесцеремонные.

Еле балансируя на одной ноге, я убрала сомнительные коричневые капли с лодыжки.

Ева застонала, когда ее телефон снова затрезвонил.

– Я потанцевала с этим парнем всего один раз на Весеннем

балу гильдии, и теперь он звонит мне по несколько раз на дню. Пф.

– А ты ему говорила, что не заинтересована?

– Да, но не словами.

– Может, тебе стоит использовать слова? Честность – лучшая политика, – добавила я с улыбкой.

– Ладно. – Ева с силой нажала на экран телефона и прошептала: – Я догоню тебя через секунду, – затем протянула: – Хей, Бен.

Ее голос звучал с придыханием, и я закатила глаза.

Если бы ангелам разрешалось делать ставки, я бы поставила на то, что до конца недели Ева все же решит потусоваться с Беном. Несмотря на ее видимое раздражение из-за несчастного парня, подруга обожала внимание, особенно мужское.

Я перешла через дорогу к зданию, в котором находился мой ангельский дом на Земле. Когда мне разрешили ступить в человеческий мир в зрелом возрасте двенадцати лет, я могла возвращаться только при условии, что на улице нет ни души. Что было очень глупо, поскольку люди не могли увидеть роскошный кварцевый дом, который расположился за невзрачной зеленой дверью.

Я нажала на ручку, промокшие ноги заскользили внутри ботинок. Гадость.

В отличие от царящего в Нью-Йорке мокрого хаоса, в гильдии, как всегда, было тепло и солнечно. Небо, возвышавшееся над куполообразной стеклянной крышей и укры-

вающее каждую комнату и коридор, принадлежало Элизиуму, а не Земле. А в стране ангелов никогда не шли дожди.

Пока я обходила фонтаны в атриуме, воробей с радужными крыльями подлетел ко мне. Однако сразу отшатнулся, почувствовав, видимо, приклеившийся ко мне запах города.

– Понимаю, – вздохнула я.

Как вдруг кто-то закричал:

– Он придет сегодня!

Я свернула в коридор, который вел к моей комнате в общежитии, но успела увидеть только кончик оранжевого крыла, мелькнувшего за углом, и слышать скрип резиновых подошв по белому кварцевому полу.

В нашей женской гильдии мужчины были редкими гостями, так кто этот «он»?

Я выпустила крылья наружу. Казалось, будто они тоже промокли насквозь и заслужили немного солнца, хоть были непроницаемы и весили как сахарная пудра. Я продолжала пить молочный коктейль и запустила руку в сумку в поисках еще одной салфетки, но вместо этого достала изрядно потрепанную книгу в мягкой обложке. Внезапно я врезалась в чье-то крепкое тело.

– Смотри, куда идешь, Неоперенная! – загромыхал строгий голос, который я знала очень хорошо из-за бесконечных занятий по небесной истории.

Вдруг бумажная соломинка, наполненная малиновым коктейлем, вырвалась из моих зубов и запустила густую ро-

зовую жидкость прямо на...

На торс...

Мой взгляд заскользил вверх по облаченной в кожу груди и остановился на отточенном до идеала лице, которое, казалось, было отлито из металла, а не состояло из плоти.

Чтобы молочный коктейль не успел вылиться из моего рта, я крепко сжала губы. Однако после вспомнила, что моя жертва заслуживала извинений. Так что я поспешила проглотить напиток.

– П-простите.

– Неуклюжая девчонка. Позвольте мне помочь, Сераф.

Вся рука Офана Миры зажглась золотым пламенем, она провела им по коричневой кожаной тунике архангела, выжигая бледные брызги, прежде чем они успели пропитать мягкую кожу.

Я побледнела. Сераф? Я находилась рядом с одним из Семерых?

Ох, пресвятой демоненок!

Должно быть, из-за огня в белом каменном коридоре уменьшилось количество кислорода, иначе почему дышать стало чрезвычайно тяжело?

– Спасибо, Офан, – тягучий голос архангела был похож на голоса всех моих воображаемых возлюбленных из книг. – Как тебя зовут, Неоперенная?

– З-зовут? – заикнулась я.

Архангелы находились наверху небесной пищевой цепи,

тогда как неоперенные – в самом низу. Никогда не слышала, чтобы хоть кто-то из них интересовался такими, как я. К тому же они не так часто спускались на Землю, поскольку были слишком заняты царствованием в Элизиуме, куда каждую секунду прибывали новые жители.

– Это Ли, – сказала моя профессор по истории, очевидно, считая меня неспособной связать вместе и пару слов.

– Лей, а не Ли, – поправила я. Сколько уже раз я повторяла это Офану Мире? Правда, она редко использовала мое имя, предпочитая ему «неоперенная».

– Лей, – пока архангел произносил мое имя, которое в его исполнении звучало словно теплый мед, он осматривал мои крылья.

Хоть крылья и были моей гордостью, я спрятала их за спину. В процессе развития у нашего вида выделились два типа оперения: цветное – у смеси человека с ангелом, по-простому у гибридов; и из разноцветных металлов – у чистых ангелов, иначе говоря истинных.

А потом появилась я.

– Истинность. Чистая истинность, – пробормотал архангел с восхищением. – Какая редкость.

Мои крылья компенсировали отсутствие пигмента блеском.

– Я даже не знал, что чистые истинные до сих пор рождаются, – добавил он, исследуя глазами серебро моих крыльев. – Сколько тебе еще осталось собрать перьев, чтобы воз-

несть к нам в Элизиум, Лей?

– Эм, – я облизнула губы, – м-м-м, – из-за его взгляда мой мозг закоротило.

Я слышала множество историй о золотом мальчике Элизиума, в основном от Евы. Ему было всего сто двадцать с лишним лет, когда он заслужил одно из желанных мест в Совете Семи за ряд храбрых поступков, большинство из которых он совершил в человеческом мире. Но был и один случай в небесном мире, именно он и подарил повышение. Подробности не разглашались. Было только известно, что это произошло в Абаддоне³, где юноша вызвался служить охранником в годы своего обучения, хотя большинство молодых ангелов предпочитали держаться подальше от этого темного места, кишящего грешниками высшего ранга.

Чужой локоть врезался в мои ребра.

– Лей осталось собрать восемьдесят одно перо, Сераф.

Архангел в удивлении выгнул бровь:

– Восемьдесят одно?

Я стрельнула в Еву обвинительным взглядом за то, что она выдала информацию без спроса. Конечно, я не могла солгать – ложь стоила перьев, – однако я могла бы уклониться от вопроса архангела, задав ответный.

Или сделала бы что угодно, чтобы отвлечь его от моих недостающих перьев.

Кожа моей подруги начала блестеть, это, к счастью, от-

³ Абаддон – преисподняя, одно из названий Ада.

влекло мужчину. Ева никогда не страдала от излишней скромности. Я бы сгорела со стыда, если бы показала свое влечение так публично. Поэтому незаметно проверила свои руки, надеясь, что не свечусь как светлячок. Слава богу, я была бледна как обычно.

Архангел склонился, его медно-бирюзовые перья впитывали каждый солнечный лучик, что попадал на нас. Внезапно у меня появилось желание провести ладонью по его оперению, но намеренное прикосновение к чужим крыльям считалось бестактным. Только после женитьбы разрешалось трогать перья своего партнера.

Когда мускулистый архангел повернулся ко мне, я осторожно заглянула в его глаза – бирюзовые с бурым вихрем вокруг зрачка. Хотя обычно цвет перьев не совпадал с радужками, в его случае все было иначе.

– Я заработала уже девятьсот восемьдесят семь, – похвасталась Ева, хоть он и не спрашивал, поскольку, видимо, заметил, что ее крылья почти завершены. – Осталось собрать всего тринадцать.

– Ты почти готова к вознесению, – архангел сверкнул улыбкой, прежде чем обратить внимание на то, что сжал в своей руке – мою книгу. Осмотрев, он вернул ее мне без комментариев. Наверняка подумал, что это низкопробное чтиво. Ангелы не любили романтику, считая ее человеческой чертой, другими словами, ничтожным изъяном.

Я зарылась рукой в свои волосы персикового цвета, мои

щеки пылали. Не буквально, конечно. Огонь ангелов будет дарован мне через несколько лет после того, как я вознесусь в Элизиум и докажу свою ценность.

Офан Мира втиснулась своим стройным телом между нами.

– Прошу прощения, Сераф Ашер, но офанимы с нетерпением ожидают вас.

Я отступила, потому что красные перья профессора щекотали мой нос.

– Примите мои извинения, Офан, – сказал архангел, подмигнув мне за плечом профессора.

Он распустил свои крылья, будто потягивался, однако ангелы расправляли крылья, только чтобы взлететь или показать свое превосходство. Так как его ботинки не оторвались от кварцевого пола, я решила, что это должно было поставить меня на место. Ведь я не отводила взгляд – неподобающее поведение в присутствии такого могущественного существа.

Небольшая улыбка играла на губах архангела, когда он сложил крылья и прошел мимо меня. Кончики его перьев скользнули по моему предплечью, отчего моя кожа покрылась мурашками.

Как только ангелы исчезли за углом, Ева резко повернулась ко мне, ее глаза были настолько широко распахнуты, что ресницы доставали до бровей.

– Я так завидую тебе, Лей!

– Мне?

– Эм, да, архангел только что распушился для тебя.

– Распушился?

Подруга закатила глаза, разочарованная моей невежественностью, затем схватила меня за запястье и потащила в спальню.

– Если бы ты уделяла столько же внимания урокам этикета Офана Грир, сколько уделяешь романам смертных, – Ева указала своим маленьким аккуратным носом на мою книгу, – ты бы знала, что мужчины распускают крылья, когда заинтересованы в тебе. Мы тлеем, они расправляют крылья.

– Я думала, он сделал это потому, что я была невежлива...

Мог ли он вообще расправить крылья ради меня? Никто еще такого из-за меня не делал, даже другой Неоперенный. Возможно, он распушился для Офана Миры.

До того, как Ева успела пролить мой молочный коктейль, я вывернула запястье из ее подобного тискам захвата.

– Кстати, о тлении, ты вся светилась.

Ева улыбнулась:

– Ты мечтаешь стать малахимом, а я серафимом. Но раз все семь мест уже заняты, я согласна быть женой одного из них. Если мне надо обжечь зрачки Серафа Ашера, чтобы он заметил меня, то так тому и быть. Кстати, ты видела его глаза?

Пока Ева восторгалась изумительными радужками глаз архангела, мое сердце забило быстрее. Оно резонировало

с барабанными перепонками и заглушало арии парящих над нашими головами воробьев и топот товарищей, которые спешили в спальни, чтобы переодеться перед вечерним торжеством.

– Я думала, он спустился сюда, чтобы познакомиться с гильдией и офанимами, – сказала я, когда Ева распахнула дверь нашей комнаты.

Это была одна из самых больших спален в гильдии. Комната простиралась примерно на пятнадцать метров во всех направлениях и полностью состояла из белого кварца, за исключением стеклянного потолка. Хотя мебели было мало. Только две двуспальные кровати, две тумбочки и длинная обшитая шелком скамейка прошли отбор. Ангелы предпочитали предметы первой необходимости беспорядку.

– Думаешь, он ищет жену?

– Лей, Лей, Лей, – покачала головой Ева, открывая шкаф нажатием руки на стену. На свет показалось обилие шелка, атласа и блесток.

– Что? – я бросила свою книгу на кровать.

– Как мой отец познакомился с моей матерью? – вешалки стучали, в то время как девушка обдумывала свой наряд.

Я хмурилась, пока не поняла, к чему клонит Ева.

– Когда она посещала мужские гильдии после того, как стала архангелом.

Девушка слегка драматически хлопнула в ладоши:

– Она умеет слушать!

Учитывая, что Ева рассказывала эту историю триллион раз, конечно, я знала ее. Бьюсь об заклад, все американские гильдии слышали о романе между первой женщиной-архангелом и Неоперенным, известным как шестьдесят пять, потому что именно столько перьев ему не хватало в день встречи с матерью Евы.

Он настолько хотел стать ее потенциальным женихом, что завершил свои крылья за месяц, а именно столько времени у него было до окончания периода ухаживаний. Это достижение по праву сделало отца Евы легендой, потому что ни у одного другого Неоперенного не получилось заработать более двадцати перьев за такой короткий срок. У меня в среднем выходило около десяти, и то в особенно насыщенные месяцы.

Опять же, редко кому из Неоперенных удавалось заполучить Троек – грешников, стоящих сотню перьев. Легче заставить божью коровку избавиться от своих точек, чем Тройку – искупить грехи.

Ева сняла с вешалки платье из ламе⁴, украшенное жемчужгом, который собрали в Элизиуме в море Нирвана, подарок на день рождения от матери.

– Советую надеть платье, которое я тебе подарила.

Я допила молочный коктейль, пошла выбросить стакан в ангельский мусоросжигатель в нашей ванной и вернулась в спальню. Я вскрыла свой шкаф и достала стойку с одеждой.

⁴ Ламé – ткань с нитями золота или серебра.

Платье цвета слоновой кости, которое купила мне Ева, выделялось среди моей серой, черной и темно-синей одежды. Единственная вспышка цвета в гардеробе – это моя горячо любимая коллекция туфель на шпильках.

Я спрятала крылья и расстегнула промокшее платье, затем сняла ботильоны и бросила все в корзину, которая убирала грязь с помощью ангельского огня. По крайней мере, со стиркой проблем не было.

– Я больше настроена на черное, – сказала я, возвращаясь в ванную и проскальзывая в душ, вода в котором всегда была идеальной температуры. Жизнь в человеческом мире научила меня никогда не принимать такие удобства как должное. Я намылилась несколько раз, а затем насухо вытерла свое тело, теперь пахнущее мылом.

Ева заскочила в ванную, размахивая кремовым платьем.

– Ты всегда носишь черное. Пожалуйста, надень это.

Вздыхнув, я уступила. После того как холодный шелк заструился по изгибам моего тела, я взглянула на свое отражение в зеркале ванной. Сложно было понять, где заканчивается платье и начинается моя обнаженная кожа. Ни один тональный крем не мог похвастаться таким эффектом.

– Тебе не кажется, что я с ним сливаюсь?

Ева подошла ко мне сзади, завязывая ремень из бисера на свою узкую талию.

– Наоборот. Оно подчеркивает твои волосы и глаза.

Мои волосы и глаза всегда заметны. Я расчесала пальца-

ми длинные волнистые пряди и перекинула их через плечо. Почему из всех цветов именно кремовый?

Ева вытащила черный карандаш для глаз из своих запасов косметики – хотела подчеркнуть зелено-карие глаза. Искусно растушевав линии для создания эффекта смоки айс, она повернулась ко мне, золотая ткань платья колыхалась на ее стройной фигуре.

Меня пронзила зависть от того, насколько не по-ангельски выглядело мое фигуристое тело на фоне Евы. Конечно, у меня выраженная талия, но грудь и бедра такие... такие брр.

Архангел расправил крылья для тебя, Лей, напомнила я сама себе. Если только Ева не ошиблась и он не хотел просто похвастаться своим оперением.

Девушка сомкнула губы, чтобы растушевать красный тинт.

– Обещаешь завершить свои крылья как можно быстрее? Не хочу надолго расставаться.

– У меня осталось всего четырнадцать месяцев, так что я постараюсь, – пробормотала я.

Если я провалюсь...

Меня пробрала дрожь.

Неудача – не вариант.

Глава 2

Голос Офана Миры пронесся по гильдии, прося всех пройти в атриум.

Я сомневалась, стоит ли вообще идти на праздник, ведь я была недостойна – у меня не хватало перьев. Кроме того, я даже не хотела стать женой архангела... Если именно это причина визита Серафа Ашера.

Хотя супруги архангелов были значимыми общественными деятелями в Элизиуме, эквивалентом первых леди, они не могли путешествовать на Землю. Я же собиралась стать малахимом, чтобы направлять души от одного тела к другому.

Голос Офана Миры снова раздался из системы внутренней связи гильдии:

– Неоперенные, которые не придут поприветствовать нашего почетного гостя, потеряют перо.

Застонав, я захлопнула книгу и скатилась с кровати. Скользнула ногами в бордовые шпильки, а потом прошла через лабиринт из звездного кварца. В атриуме я прокралась к лозам выющейся жимолости, что опутали кварцевые стены, которые освещались прожилками из огня ангелов. В итоге крохотные цветочки сияли так же ярко, как тлеющие по Ашеру девушки.

Словно мотыльки, летящие на огонь.

– Как думаешь, им нравится его статус или внешность? – голос принадлежал Селесте, пятнадцатилетней девочке с каштановыми волосами, раскосыми глазами и россыпью веснушек.

Я внимательно посмотрела на нашего почетного гостя. В этот момент он, запрокинув голову, смеялся над чем-то, что ему сказал один из моих сокурсников.

– Власть делает людей привлекательнее, не так ли?

Хотя у нас с Селестой разница в возрасте пять лет, иногда казалось, что у меня больше общего с ней, чем с Евой.

– Лей, почему ты стоишь сзади?

– По той же причине, что и ты.

– Сомневаюсь.

Я нахмурилась.

– Я стою здесь из-за них, – она кивнула головой на свои фиолетовые крылышки.

Несмотря на то, что Селеста получила кости своих крыльев на год или два раньше, чем остальные девушки в гильдии, сейчас их украшало всего около сотни с небольшим перьев. Селеста обычно прятала крылья, поскольку ненавидела видеть жалость от других пятнадцатилетних девочек с более пушистым оперением.

Я вернула взгляд на сверкающую, щебечущую толпу неоперенных.

– Мне не хватает восьмидесяти одного пера, Селеста. У меня нет ни шанса заработать их все к сроку.

– Ты бы могла взяться за Тройку.

Я хмыкнула:

– Во-первых, я не заинтересована в компании убийцы. – Все Тройки запятнали руки в крови. Нельзя стать грешником высшего ранга за пару мелких краж. – А во-вторых, я хочу быть малахимом, а не симпатичной спутницей архангела.

Девочка тяжело вздохнула:

– Я бы тоже хотела стать сборщиком душ. Или оценщиком.

Я прикусила губу, с грустью понимая, что Селеста никогда не сможет стать малахимом или ишимом.

– Знаешь, если бы ты стала подружкой архангела, то могла бы изменить это глупое устаревшее правило.

Мои брови взлетели вверх, прежде чем я осознала, что это скорее несбыточная мечта, чем достижимая цель.

– Хотя бы четверо из Семерки должны принять решение в пользу того, что гибриды могут становиться малахимами и ишимами. Когда в последний раз вносились поправки в закон? Два столетия назад?

– Триста шестьдесят один год назад. Тогда появился закон, позволяющий ангелам отказываться от крыльев.

И вместе с ними от бессмертия. До изменения закона ангелов, которые хотели стать смертными, наказывали грязной работой или отправляли в Абаддон за распространение богохульных идей.

Я вздохнула.

– Шансы на пересмотр закона довольно удручающие.

– Это лучше, чем если бы их не было совсем.

Хоть Селеста и была права, пересмотр все же маловероятен. Кроме того, я не хотела выходить замуж по политическим причинам, я хотела по любви. Неужели это так ужасно?

– Слышала, он распушился для тебя, – сказала Селеста, отвлекая меня от сверкающих радужных лилий в фонтане, что расцветали с наступлением ночи и смыкали лепестки на рассвете.

Мои щеки запылали так же ярко, как прожилки из ангельского огня в стене.

– Не думаю, что он сделал это намеренно...

Девочка взглянула на меня:

– Он расправил перед тобой крылья или нет?

Я отвернулась от ее всезнающего взгляда и посмотрела на статую ангела, из торжественно поднятой руки которого струей била вода.

– Не помню.

Селеста фыркнула, прежде чем серьезно задуматься. Спустя мгновение она сказала:

– Так не выбирай.

– Что?

– Будь женой и малахимом одновременно.

– Я не могу, Селеста. Супругам высших не разрешено спускаться на Землю.

– А ты не думала, что они просто не хотят?

– Почему бы им не хотеть вернуться?

Селеста тяжело выдохнула.

– Думаешь, твоя подружка будет возвращаться на Землю после вознесения?

– Нет. Но Еве здесь не нравится.

– Еве не нравятся люди. Гибриды тоже, если уж на то пошло.

Я скрестила руки:

– Ева не имеет ничего против гибридов.

– Я восхищаюсь тобой, Лей, ты самый добрый ангел из всех, что я знаю. Но ты ослеплена этой девушкой. Она змея с крыльями.

– Селеста! – возмутилась я прямо в тот момент, когда лицо Селесты сморщилось и одно из фиолетовых перьев упало на землю.

Девушка смотрела на перо на протяжении нескольких ударов сердца, затем, наморщив свой маленький носик, она присела на корточки, подобрала перо и закрыла глаза, чтобы вспомнить, как заслужила его. После того как пушистое перышко показало хозяйке воспоминания, оно превратилось в пыль.

– Тот чувак был чертовски упрям. Довел меня до ручки, – сказала Селеста, сложив свои крылья.

Затаив дыхание, я осмотрела ее маленькие крылья, молясь, чтобы признание об упрямом грешнике не стоило Селесте еще одного пера. С крыльями в итоге ничего не про-

изошло, и я выдохнула.

– Пожалуйста, будь поосторожнее со своими крыльями.

– Имеешь в виду, не говорить все, что на уме? Мой ум достаточно говорлив.

– Что ж, попроси его помолчать.

У нас есть десять лет с момента появления костей для крыльев, чтобы заработать перья. Если не получится, то крылья упадут с наших спин, и мы станем смертными... даже хуже... мы станем нефилимами. Никакой загробной жизни в Элизиуме или Абаддоне. И никакой реинкарнации, поскольку у нефилимов нет души.

Четыре воробья пролетели над нами, щебеча свои арии так томно, будто их вдохновили звезды и тьма. Стоило только появиться зрителям, элизианские птицы наполняли сводчатый каменный атриум небесной музыкой, так что у гильдии не было нужды в оркестре и человеческих звуковых системах.

Селеста пожала костлявым плечом:

– Бессмертие переоценено.

– Не говори так.

Девушка поджала губы.

– Кроме того, смерть эгоистична, – добавила я. – Не будь эгоисткой.

– Как будто кого-то волновало бы, если б меня не стало.

– Меня бы волновало, Селеста!

– Меня тоже, – раздался глубокий голос.

Повернувшись на голос, Селеста вздернула свой маленький подбородок, чтобы посмотреть в глаза Ашеру. Было видно, что она ему не поверила.

Архангел пробежался длинными пальцами по своим светлым волосам.

– Почему вы обсуждаете смерть?

– Потому что, как и Лей, я хочу присоединиться к малахима, – сказала Селеста. – Однако я не истинная.

Ашер оглядел мою маленькую подругу.

– Ты права. Несправедливо, что гибридам нельзя становиться малахимами.

– Достаточно несправедливо, чтобы довести это до невероятного-дальновидного-и-всемогущего-Совета? – усмехнулась девушка.

– Селеста, – прошипела я, посмотрев на ее крылья. Как я и опасалась, упало перо.

На этот раз девушка его не подняла, однако это сделал Ашер. Архангел нахмурился, когда запечатленные в пере воспоминания передались ему.

Когда перо испарилось, Ашер сказал:

– Было бы ужасно потерять кого-то с такой склонностью к сочувствию.

Решительный настрой Селесты ослаб. Я тоже смягчилась от слов Ашера. Конечно, я не считала архангелов эгоистами, однако я и не думала, что они особо заботятся о неоперенных.

– Лей, – то, как Ашер произнес мое имя, разожгло огонь в моем сердце, – мне не удалось сказать это ранее, но твои крылья поразительны.

Я постаралась не выглядеть слишком разочарованной. Комплимент должен был меня порадовать, но мне почему-то хотелось, чтобы он похвалил меня как личность, хоть мы и не были настолько знакомы.

– Спасибо, – сказала я так тихо, что хору семи фонтанов не составило труда заглушить мой голос.

Взгляд Ашера потемнел. Неужели он ожидал, что комплимент крыльям заставит меня тлеть по нему?

– Красивые, правда? – Ева, которая, должно быть, только что заметила меня в дальней части помещения, влезла между мной и Ашером. – Я постоянно ей это повторяю. Но так как мы лучшие подруги, она мне не верит.

Мое сердце пропустило удар. Она правда считает, что я ей не верю?

– Они прекрасны, потому что соответствуют ее сердцу, – Селеста кивнула на меня. – Всей ей. Вы знали, что она поддерживает общение со всеми спасенными ею людьми? Посещает их свадьбы. Дарит подарки на дни рождения. Помогает им деньгами, когда они попадают в трудные ситуации.

– Неправда, – покраснела я, – много денег уходит на книги и туфли.

Селеста закатила глаза:

– Ты покупаешь романы только в книжном парня, кото-

рого спасла три года назад. До этого ты ходила в библиотеку.

У меня отвисла челюсть. Я рассказала об этом Селесте мимоходом. Никогда бы не подумала, что она запомнит.

– Лей одержима любовными романами, – сказала Ева.

Селеста шагнула вперед:

– Это не грех.

Хотя глаза Евы блеснули раздражением, ее рубиновые губы растянулись в широкой улыбке:

– Конечно, не грех.

– Умираю от жажды. Кто-нибудь еще хочет пить? – задыхаясь от запаха жимолости за спиной, я отодвинулась от стены и отошла подальше от трех ангелов, столпившихся вокруг меня. Я не любила внимание, и так как я не отличалась особой примечательностью, то никогда и не получала его. Особенно когда мои крылья были спрятаны.

Мои прекрасные серебряные крылья.

Отправившись на поиски воды, я спрятала крылья и растворилась в толпе стройных тел.

Глава 3

– Как вы все, возможно, уже слышали, – голос Ашера раздавался над журчащими фонтанами и щебечущими воробьями, – мой визит в гильдию не совсем бескорыстный. Я ищу спутницу жизни, – его взгляд пронесся по многочисленным поклонницам, уделяя каждой одинаковое внимание. – Должно быть, вы гадаете, почему я не выбрал кого-нибудь, кто уже вознесся. Честно говоря, я хотел дать вам всем шанс. Не потому что я считаю себя таким завидным женихом, а потому что хочу найти супругу, которая разделяет те же убеждения, что и я. И я до сих пор не нашел такого человека в Элизиуме.

Губы архангела растянулись в ослепительной улыбке. Я попыталась вспомнить, было ли особенностью серафимов то, что их зубы сияли огнем ангелов. До этого я встречала только одного архангела – мать Евы, когда она приходила на церемонию «Крылья». Не припоминаю, чтобы улыбка Серафа Клэр светилась. С другой стороны, я не уверена, что она вообще улыбалась.

Я взглянула на Еву, стоящую рядом, и намеки Селесты закрутились у меня в голове. Ева не злая. Последние пятнадцать лет мы были соседками. Если бы она была недоброжелательна ко мне, то потеряла бы перья, ведь злой умысел – грех. А я не могу вспомнить, чтобы с нее опадали перья. Будто услышав мои мысли, крылья Евы затрепетали, и жел-

тые перья с золотыми кончиками начали пульсировать.

– Совет дал мне месяц на заключение помолвки. Мне еще нужно посетить десять гильдий, так что через десять дней начнется обратный отсчет. К сожалению, из-за этого многие из вас не подойдут, так как церемония должна проходить в Элизиуме. Однако это не означает, что я не хотел бы познакомиться со всеми вами, – архангел жестом указал на семьдесят неоперенных перед ним.

Ева снова взмахнула золотыми крыльями, что заставило лазурно-голубой взгляд Ашера зацепиться за них. Две девушки, которым не хватало немного перьев для завершения крыльев, подошли ближе к Еве. Из всех неоперенных только пятеро с натяжкой подходили на роль жены Ашера, те, кому недоставало тридцати перьев и меньше. Им следовало поторопиться, однако цель была достижима.

Ашер медленно повернулся, чтобы увидеть остальных – тех, у кого не было шансов вознестись, тех, с кем должна была стоять я.

– Когда я был неоперенным, я мечтал быть услышанным в Элизиуме. Однако никто не хотел меня слушать. Поэтому после принесения присяги Совету серафимов я заявил, что намерен стать вашим голосом, связующим звеном между этим миром и нашим.

Я склонила голову набок. Может ли мужчина быть привлекательным, могущественным и при этом отзывчивым? Я никогда не встречала кого-нибудь, кто бы соответствовал

всем трем пунктам. Но Ашер, казалось, подходил по всем, что не только удивило, но и заинтриговало меня.

– Этим я хотел сказать, что мы будем часто видеться, – архангел послал девушкам еще одну обворожительную улыбку. – Должно быть, вы устали меня слушать. – Сомневаюсь, что существует человек, которой мог бы утомиться, слушая этот чарующий голос. – И желаете уже накинуться на бесподобные угощения, что офанимы приготовили к моему визиту. Но я хочу поговорить про кое-что еще. Про один из критериев, который важен для меня. Это информация для моих потенциальных спутниц, – он снова посмотрел в сторону Евы, так как все подходящие неоперенные толпились вокруг нее. – Я хочу, чтобы моя супруга путешествовала со мной. Сопровождала меня. Работала рядом. Хочу, чтобы наши голоса звучали в унисон, – он снова окинул взглядом собрание, – вместе с вашими.

Меня посетило внезапное и страстное желание, чтобы на моих крыльях было больше перьев или чтобы свадьба Ашера состоялась через год, а не через месяц.

– Вы хотите сказать, что отмените вековой запрет на возвращение на Землю? – прозвучал в тишине голос Селесты.

Ашер осмотрел толпу в поисках моей подруги. Как и я. Она все еще стояла в дальней части атриума, прислонившись к стене, один из ее черных ботинок давил жимолость.

– Я имел в виду, что жена будет сопровождать меня спустя век, – исправился Ашер.

Двор наполнился неразборчивым шепотом.

– Он серьезно? – спросила у Евы Меган, одна из подходящих ангелов. Девушка приложила ладонь к своему сердцу, ее кожа светилась, как светлячок.

Трое других расправили свои крылья на всеобщее обозрение, хотя я подозревала, что в основном они хотели привлечь внимание Ашера.

Ашера, который все еще был сосредоточен на маленькой Селесте.

– Мне нужно найти следующего грешника, – заявила Ева. – Хочешь помочь мне выбрать, кого спасти, Лей?

Я обернулась к ней:

– Мне казалось, что ты не хочешь возвращаться на Землю.

Ева собрала свои длинные черные волосы в хвост, сложила крылья и опустила волосы поверх них. На ее позолоченных перьях пряди напоминали чернила.

– Я хочу стать женой архангела. Если для этого надо посещать Землю, то так тому и быть.

Чужая рука взяла Еву под локоть.

– Я пойду в Зал Оценки с тобой, – предложила Меган.

Ева так резко повернулась, что рука Меган упала.

– Без обид, Меган, но наши интересы больше не совпадают. Или лучше сказать, что они слишком совпадают. Вас троих это тоже касается, – взгляд Евы остановился на Фиби. – Вернее, двоих, так как Фиби не сможет соревноваться.

Несмотря на то, что длинная светлая челка Фиби закры-

вала половину лица, я заметила, как ее глаза расширились.

– Почему это? Мне не хватает всего двадцати одного пера.

– Дорогуша, ты гибрид, – сказала Ева, как само собой разумеющееся. – В Совет серафимов не принимают гибридов. Ни как архангелов, ни как супругов.

Оранжевые перья Фиби оцетинились.

– Ашер не такой старомодный.

– Сераф Ашер, – Ева щелкнула пальцами по подбородку Фиби. – Веди себя уважительнее.

Румянец залил щеки Фиби.

– Простите, Сераф Ашер? – голос Евы пронесся над шумом разговоров, заполняющих внутренний двор. – Гибриды могут претендовать на эту позицию?

Ашер нахмурился:

– Позицию?

– Супруги, – добавила Ева с самоуверенностью, достойной кого-то из высших уровней власти.

– К сожалению, подходят только истинные.

Улыбка Фиби растворилась, как и моя. Почему правила нашего мира так строги?

Возможно, Селеста права... Возможно, мне тоже стоит попытаться пройти отбор. Наши с Селестой взгляды встретились над золотыми крыльями Евы. Я знаю, что гибридам часто приходится терпеть презрение и унижения от истинных. Я сбилась со счета, сколько раз отчитывала кого-то за насмешки над тусклым оперением гибрида или над их низ-

шей должностью.

– Лей? – голос Евы отвлек мое внимание от Селесты. – Ты идешь?

Я кивнула.

Однако я шла не за компанию, а чтобы выбрать своего следующего грешника, потому что гибриды заслуживают уважения и тех же шансов, что есть у истинных. И возможно, именно мой голос сможет этого добиться.

Глава 4

Голографическое изображение лижущей леденец девочки с косичками осветило профиль Евы.

– Она идеальна, правда?

Я оторвалась от перелистывания потенциальных грешников, чтобы прочитать описание под движущейся фотографией старшеклассницы. Ее юбка была настолько короткой, что я удивилась, как это не считалось грехом.

ПЕНЕЛОПА МОРЕЛЬ (11 дней)

Склонна к травле

2

Золотое платье Евы сверкнуло, когда она развернулась на стуле.

– Как раз по моей части.

Эхом разнеслись шаги по белому каменному полу, а затем изогнутые стеклянные двери Зала Оценки распахнулись. Меган и Лана расположились напротив нас за кварцевой панелью, которая проходила по всей длине круглой комнаты. Девушки прижали ладони к стеклянным панелям, встроенным в камень, чтобы включить голоранкеры.

Как только лучи света вырвались из квадратных экранов, Ева вдавила ладонь в свою панель. Двигающееся изображе-

ние Пенелопы замерло, и послышался гул сканирования ладони Евы. Секунду спустя раздался сигнал, и слова «ПРИСВОЕНА ЕВЕ ИЗ ГИЛЬДИИ 24» отпечатались на трехмерном изображении, словно штамп.

После этого дыхание Евы выровнялось. Девушка наклонилась, чтобы взглянуть на голографическую анкету, которая выпала мне.

– Фу-у. Спасибки, но нет.

– Что? – Я посмотрела на движущуюся картинку мускулистого татуированного заключенного, который стоил восемьдесят шесть перьев за нападение на четырех женщин.

– Ни за что, – она содрогнулась. – Оставлю таких грешников на мальчиков. Они лучше подготовлены, чем мы, чтобы справляться с подобными.

– Я не... Он не для...

Не для нее.

– Постарайся найти мне грешников, которые не выглядят как ночной кошмар, хорошо? – сказала Ева.

Это было глупо – мне не хватало слишком много перьев, но отчаяние во взгляде Селесты подхлестнуло мое желание соревноваться.

– Он не для тебя, – призналась я.

Правда в том, что он был и не для меня. Как бы сильно мне ни хотелось завершить крылья, я не была настолько смелой, чтобы помочь подобному человеку снизить счет грехов. Кроме того, в глубине души я верила, что по-настоящему

ужасные грешники заслуживают попасть в Абаддон, где будут обречены на годы пыток за все их чудовищные преступления.

Система показывала его имя, текущий адрес и время, которое он числится в Системе Оценки: 124 месяца. Она также демонстрировала, сколько очков он скинул за этот период – 1 – и сколько неоперенных пытались ему помочь – 3. Однако система не показывала имена этих неоперенных. Поскольку количество грехов снизилось на один, я предположила, что одному из моих коллег удалось преуспеть.

Я почувствовала, как взгляд Евы врезался в меня.

– Его собираешься выбрать ты?

Шелковое платье натянулось на моих коленях.

– Не знаю. Может быть.

Ева развернулась на круглом кожаном стуле.

– Мне казалось, ты мечтаешь быть малахимом, Лей.

Хотя я все еще надеялась стать посланницей душ, моя цель была эгоистична. Если я смогу помочь Селесте и другим гибридам получить те же права, что и у истинных, то...

Звуковой сигнал эхом разлетелся по изогнутым стенам и стеклянному потолку. Одна из девушек выбрала грешника. Я не увидела, кто именно нашел свое следующее задание, так как продолжала смотреть в немигающие глаза подруги.

Ева склонилась вперед.

– Ну, тогда позволь мне помочь тебе найти кого-то, кто не собирается угрожать твоей девственности.

Мое сердце замерло.

Она накрыла мою ладонь своей и сжала пальцы:

– Не хочу, чтобы ты пострадала.

Я испытала облегчение. Селеста ошибалась насчет Евы.

Моя подруга в самом деле заботится обо мне.

Она начала пролистывать страницу и вдруг резко вдохнула и указала пальцем на имя на экране.

– Я нашла идеального грешника для тебя!

Моя голографическая лента мерцала. На ней возникло лицо мужчины с острой как лезвие челюстью, непослушными темными волосами и глазами, такими черными, будто они созданы из греха и звезд.

У меня внутри все перевернулось при виде такого красивого и опасного лица. Я смахнула страницу, чтобы перейти к описанию.

Джаред Адлер (201 месяц)

Глава «La Cour des Démons»⁵

Двести один месяц? Он числится в системе семнадцать лет?! Как это возможно, если этот человек выглядит ненамного старше меня? Я нажала на изображение, чтобы увидеть счет.

⁵ La Cour des Démons (фр.) – Суд Демонов.

То, что перевернулось внутри меня, встало на место.

– Он Тройка?!

Изогнутые брови Евы нахмурились, когда она начала изучать анкету мужчины. Так как именно Ева предложила эту кандидатуру, я подумала, что она не в первый раз видит грешника с экрана.

– Что такое «La Cour des Démons»?

– «Суд Демонов», – перевела она.

– Я знаю французский, Ева, – способность понимать все языки была даром ангелов. – Я имела в виду, чем этот демонический суд занимается? Терроризмом? Массовыми убийствами?

Изучая глаза Тройки с нависшими веками, Ева сказала:

– Это просто красивое название для парижской мафии.

Мои губы распахнулись:

– Он управляет мафией? Как он может быть безопаснее насильника?

– Потому что единственное, чем он не занимается, – это изнасилования.

– Он абсолютно точно убивал людей, Ева! Или заказывал убийства.

Я почувствовала чужие взгляды на своем затылке.

Ева пристально посмотрела на двух истинных, которые сидели неподалеку.

– Они не были невинны.

Усилим воли заставляя себя успокоиться, я пробормотала:

– Откуда ты вообще столько знаешь об этом парне?

– Во время одной из миссий я встретила кое-кого, кто выбрал его. Так что я нашла эту анкету. Он Тройка, потому что руководит «Судом Демонов». Все, что тебе нужно сделать, – это заставить его отменить одну операцию. К примеру, пересмотреть решение о вымогательстве у высокопоставленного бизнесмена, или подтолкнуть помочь одному человеку. И ты получишь сотню перьев. Насколько сложно это может быть?

– Все, что мне нужно сделать? – фыркнула я, из-за чего мои ноздри раздулись. – Ева, он числится в системе семнадцать лет, – я ткнула пальцем в число неоперенных под счетом грехов Джареда, моя рука прошла сквозь трехмерную проекцию. – Сто тридцать один человек пытался изменить его. Сто тридцать один, Ева. И счет ни разу не изменился, это означает, что никто не преуспел. Никогда не видела подобной анкеты. С этим мужчиной, очевидно, что-то не так.

Ева осталась невозмутимой после моей вспышки.

– Если кто и способен на это, то ты, Лей. Неоперенная, которая никогда не сдается.

Да, у меня никогда не было промахов с грешниками, но я и не бралась за Тройку, которую не смог исправить сто тридцать один человек.

Я снова посмотрела на голографический портрет Джареда Адлера, его темные глаза обрамляли такие густые и закру-

ченные ресницы, что они казались накладными. Могут ли я действительно изменить этого мужчину?

Нежная ладонь Евы снова оказалась на моей.

– Попробуй хотя бы. Если бы мне пришлось проиграть Ашера кому-то, я бы предпочла, чтобы это была ты, – подруга указала острым подбородком в сторону, – а не кто-то из них.

Я прикусила губу.

– Кроме того, что ты теряешь, Лей? Если не сможешь исправить этого грешника, то просто вернешься назад и выберешь кого-нибудь другого. Ничего страшного.

Ничего страшного, но время потрачено впустую. Плюс он жил во Франции. Мне придется переехать в парижскую гильдию на время миссии.

– Если у моего отца получилось, то и ты сможешь, – сказала Ева.

Я искоса посмотрела на подругу.

– И нигде нет еды лучше, чем во Франции.

– Я еду туда по работе, а не чтобы дегустировать французскую кухню.

– Тебе же нужно что-то есть, чтобы не выбиться из сил во время миссии. Кстати, ты ведь не была еще в Париже? Он великолепен весной.

Я нахмурилась.

– Когда ты там была?

Взгляд Евы вернулся к Джареду.

– Два года назад. Примерно в то время, когда ты помогала наркоманке завязать.

– У этой наркоманки есть имя – Эбигейл.

У нее было двое детей, но она так глубоко утонула в своей зависимости, что потеряла детей, квартиру и работу. Женщина была едва в сознании в ту ночь, когда я нашла ее свернувшейся на тротуаре в «Алфавет-Сити»⁶.

Понадобились месяцы, чтобы Эбигейл стала «чистой», и хоть у нее не получилось вернуть детей, она нашла стабильную работу и обрела почву под ногами.

Ева отмахнулась:

– У них у всех есть имя.

Она помнит имена хоть кого-то, кому помогла?

– Если не хочешь выбирать этого парня, давай поищем другие анкеты.

До того как здравый смысл успел одержать верх, я выдержала ладонь из руки подруги и прижала к экрану. Я выделю на Джареда три дня, и если ничего не выйдет, то откажусь от миссии и потеряю два пера.

Машина ожила, отсканировала отпечаток моей ладони, прежде чем издать пронзительный сигнал и отпечатать мое имя поверх имени Джареда, тем самым связывая наши судьбы.

Мысль о том, что я выбрала Тройку, застигла меня словно проливной дождь, впиталась в мое сознание, заставляя

⁶ Алфавет-Сити – богемный жилой район в Нью-Йорке.

крупно дрожать.

Ева спрыгнула со стула.

– Здесь не обойтись без Ангельских Пузырьков.

Это было просто красивым названием для газировки из цветков апельсина. Алкоголь под запретом как внутри гильдии, так и за ее пределами. Употребление веществ, меняющих работу сознания или тела, в основном осуждалось и стоило перьев.

Я выключила свой голоранкер и соскользнула со стула. Ноги, казалось, лишились крови и костей. Я споткнулась, и от падения меня спасло только кресло, что освободила Ева. Прежде чем я успела убрать руку от этого кресла, Зал Оценки исчез, и я очутилась перед маленькой девочкой с мокрым от слез лицом.

– Я в-в-все отд-д-дам, – заикалась она.

– Ты уже достала слайм из упаковки, Эми. Ты не можешь его вернуть.

Я услышала голос Евы, но он звучал иначе, более молодо и немного гнусаво.

Я вижу воспоминания подруги об одной из миссий...

– Н-н-но у нее было та-а-ак много п-подарков.

– И они все принадлежали ей. Не тебе. Так что напиши письмо, и мы отдадим его ей вместе.

– Она расскажет всем в шк-коле.

– Тебе стоило подумать об этом раньше. – Когда малень-

кая девочка потеряла свои глаза, Ева раздраженно вздохнула. – Ну же. Я не могу ждать весь день.

Картинка сменилась, передо мной возник шумный коридор начальной школы. Я наблюдала за тем, как Эми несла письмо другой девочке ее возраста. Лист помялся в руках. Передав письмо, Эми сжала кулаки и убежала. Я бросилась следом. Или, вернее, Ева бросилась. Мы нашли девочку запертой в туалетной кабинке.

– Больше не воруй, хорошо? Или мне придется вернуться. Ты же этого не хочешь, верно?

– Н-нет. Я больше никогда не буду воровать.

– Хорошая девочка.

Серые с потрескавшейся краской стены туалета исчезли.

– Ева! – ахнула я, как только подняла руку с ее рассыпающегося пера.

– Что?

Я указала головой на сверкающую пыль.

– Ты потеряла перо.

Ева смотрела на клубящуюся пыль, пока та не исчезла.

– Так и есть.

– Как? Почему?

Подруга взглянула на меня.

– Я впервые хочу что-то, что может никогда не стать моим.

Вина сковала мое сердце. Я не хотела потерять подругу из-за мужчины: неважно, серафима или нет.

– Никогда не думала, что зависть – это грех, – вырвалось у меня.

– Это потому что ты никогда на самом деле не завидовала.

Мне всегда не нравился оранжевый оттенок моих волос, и я завидовала изящной фигуре Евы. Разве наши чувства не были похожи?

Глава 5

Покинув Зал Оценки, я не стала возвращаться на праздник, чтобы выпить немного Ангельских Пузырьков, – не было настроения веселиться. Если уж на то пошло, при мысли о предстоящей миссии мне становилось дурно. Чувствуя мое беспокойство, Ева проводила меня в нашу спальню и помогла сложить одежду на три дня во вместительную сумку.

– А кто именно тебе рассказал о нем?

Скрученный кожаный ремень развернулся в руках Евы.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я надеялась узнать, почему они не преуспели.

Ева снова скрутила ремень и убрала его в мою сумку.

– Они сказали, что Джаред Адлер был грубым и невоспитанным.

Я нахмурилась.

– Поначалу почти все они такие. Можешь все же сказать, от кого ты о нем узнала?

Подруга отрицательно покачала головой.

– Прости, но я не хочу предавать чужое доверие. Никто не хочет выставлять напоказ свои неудачи.

Я села на кровать рядом с моей переполненной сумкой.

– Я сошла с ума? Чувствую себя сумасшедшей.

Ева опустилась рядом и обняла меня за плечи.

– Ты амбициозная, а не сумасшедшая.

Я прижалась щекой к плечу подруги.

– Не возносись, пока я не вернусь, хорошо?

– Мне не хватает тринадцати – то есть четырнадцати – перьев, – сказала Ева. – Я буду тут еще какое-то время.

– Но ты так хороша в работе. Ты заработаешь недостающие перья еще до конца недели.

– Вряд ли. – Минуту мы хранили молчание, затем она сказала: – Но если вдруг я и правда закончу свои крылья до твоего возвращения, то обещаю остановиться в Городе Огней, прежде чем вознесусь.

– Или ты можешь тоже взяться за французского грешника?

– Или так.

Я глубоко вдохнула запах нероли⁷, которым неизменно благоухала Ева с того момента, как открыла для себя человеческие духи.

– Тройка... – шепотом произнесла я, так как все еще не верила в происходящее.

Спустя минуту Ева сказала:

– Что бы ни случилось, помни, что я тебя люблю, хорошо?

Что бы ни случилось?

– Имеешь в виду, если превзойдешь меня?

Подруга напряглась.

– Ага.

⁷ Нероли – запах, который изготавливают из цветков горького апельсина (померанца).

Скорее всего, так и будет. Я тихонько помолилась Элизиму о том, чтобы Джаред шел на сотрудничество. Или хотя бы не был слишком груб.

– Тебе пора идти, – сказала Ева, поднимаясь.

Постаравшись набраться побольше храбрости, я взяла сумку и встала. Я переоделась в фиолетовое платье, которое скрывало мои формы. Вне гильдий я чувствовала себя нормальной, но стоило оказаться в кварцевых стенах, и мое тело казалось слишком тяжелым, грудь – большой, бедра – широкими, а живот – мягким.

– Ничего не изменится, – пробормотала я.

Я вышла вслед за Евой из нашей спальни, и мы направились в атриум, чтобы найти офаним, готовую провести меня через поток. До завершения крыльев я не могла путешествовать между гильдиями без сопровождения.

Неоперенные все еще гуляли по внутреннему дворику, опустошая банкетный стол, подготовленный в честь Ашера. Ашера, который до сих пор беседовал с офанимами. Не думала, что он останется здесь после произнесения речи.

Вместе с Евой я подошла к нашему крылатому начальству.

– Извините, что прерываю вашу беседу, но мне нужно отправиться в парижскую гильдию.

– Грир? – обратилась Офан Мира. – Не могла бы ты провести Лей через поток?

– Конечно, – мой профессор по этикету провела рукой по

своему облегающему серому платью.

Как и я, она была из фигуристых ангелов. Однажды Ева пошутила, что Грир может потянуть мускулы крыльев при полете. Это замечание стоило моей подруге пера, хоть она и настаивала, что сказанное не являлось оскорблением.

– Я как раз собирался уходить, – сказал Ашер. – Могу взять ее с собой.

Мои щеки покраснели. Сладкие херувимы, архангел вызвался проводить меня через поток?

Руки Грир отпустили платье.

– Вы уверены, Сераф?

Я бросила взгляд на Еву, чьи крылья, казалось, стали занимать чуть больше места. Если бы я только могла спрятаться за ними.

– Да, – бирюзовый взгляд Ашера скользнул по моей сумке. – Как вижу, ты уже собралась.

Я прижала сумку к себе, надеясь, что спрятала нижнее белье внизу. Если оно торчит сверху, я умру, особенно учитывая мою любовь к кружеву и шелку.

Пока Ашер хвалил офанимов за впечатляющую работу, Ева сжала меня в медвежьих объятиях.

– Заполучи эти сто перьев.

Я сразу забыла о смущении, мой разум полностью сосредоточился на Джаред Адлере и его «Суде Демонов». Я постаралась убедить себя, что никаких демонов там на самом деле не было.

По крайней мере настоящих.

Демоны, которых представляли люди, – рогатые монстры, что высасывали души клыками и раздирали плоть когтями, – к счастью, не существовали.

– Идем? – спросил Ашер.

Выбрасывая из головы образ окровавленных конечностей, я отстранилась от подруги.

– Люблю тебя, дорогая.

Глаза Евы сверкали как водяные лилии в фонтанах.

– И я тебя.

Она была готова заплакать?

– Эй, – я взяла Еву за руку, которая была холодной, несмотря на то что ангельский огонь в стенах поддерживал приятную температуру двадцать два градуса круглый год, – мы совсем скоро увидимся.

Красные губы подруги растянулись в улыбке.

Я снова обняла ее, а затем развернулась и проследовала за Ашером к потоку.

Он сложил руки за спиной:

– Кажется, вы двое очень близки?

– Мы дружим с пяти лет – с момента, когда нас поселили в одну комнату. Не поверите, но мы никогда не разъезжались.

Однако это скоро изменится.

Так многое вот-вот поменяется.

– Значит, Париж? – Ашер спросил, когда мы повернули в другой белый коридор, купающийся в ночном свете. – Кто

твой грешник, Лей?

Я посмотрела на архангела:

– Мужчина по имени Джаред Адлер.

Он так внезапно остановился, что мое сердце ударилось о ребра.

– Что такое, Сераф?

Ашер глубоко втянул воздух, кожаная туника опасно натянулась, обтягивая его загорелое тело.

– Он Тройка?

Ашер это понял из-за того, что Ева перед прощанием упомянула сто перьев?

– Да.

Взгляд архангела так долго не отпускал меня, что пришлось приподнять сумку над уставшим плечом.

– Почему ты выбрала Тройку?

Меня окатило жаром.

– Ох, эм, – я закусила губу. – Потому что мне не хватает восьмидесяти одного пера.

Выражение его лица смягчилось, уголки губ тронула улыбка.

– Я польщен.

Мои пальцы замерли на ремне.

– Правда?

– Да.

Ашер не прикоснулся ко мне, однако огонь, бегущий по его венам, передался мне и проник в каждую мою клеточку,

укрепляя решимость, словно закалял металл.

Я отступила до того, как успела сделать что-то предосудительное. Например, погладить великолепные крылья Ашера, которые снова предстали во всей своей красе. Романтик во мне надеялся, что он расправил их для меня. Однако реалист понял, что мы приближаемся к потоку и крылья нужны, чтобы перенести нас в другую гильдию.

– Не трать на помощь Тройке слишком много времени, – в итоге сказал Ашер. – Они стали высшими грешниками не просто так.

Я сглотнула:

– Знаю.

Ашер склонил голову, будто не верил, что я осознаю, во что ввязываюсь.

Я оцетинилась, хоть и понимала, что глупо на это обижаться:

– Я не провалила ни одной миссии.

Не в моем стиле хвастаться, но я хотела, чтобы архангел перестал смотреть на меня как на самого наивного ангела. Опередив его, я вошла в квадратную комнату, залитую ярким белым светом. Когда он присоединился ко мне, комната размером с лифт внезапно показалась мне меньше обувной коробки.

Ашер раскрыл ладони, и я скользнула своими сверху. Его огонь передался мне, посылая ворох раскаленных мурашек.

Архангел забормотал что-то на небесном языке, и лило-

вый туман начал собираться и клубиться вокруг. Сильнее сжав мои руки, Ашер расправил крылья. И луч элизианского света унес нас прочь.

Глава 6

Когда мы прибыли в Гильдию 7, точную копию только что покинутой, около потока нас уже ожидали две женщины. Должно быть, Офан Мира предупредила их о нашем скором прибытии. Женщины кратко поприветствовали меня, прежде чем окружить вниманием Ашера. Было очевидно, что они пришли сюда ради Серафа, а не ради ничтожной неоперенной.

Подождите, пока я стану его женой... Ого. Мое же саркастичное замечание заставило меня оступиться. Когда я стала так уверена в себе?

Ашер взглянул на меня сквозь обрамляющие его лицо золотые пряди.

– Ты в порядке, Лей?

Я посмотрела на него широко распахнутыми глазами, молясь, чтобы он не мог догадаться о моих безумных мыслях.

– Я в порядке. Спасибо, Сераф, – затем я отвлеклась на блондинку с крыльями цвета зеленого яблока. – Офан Полин, не могли бы вы, пожалуйста, показать мне свободную спальню, чтобы я могла положить туда свои вещи?

– *Biensûr. Suis-moi.* – Несмотря на то что Полин говорила на французском, мое сознание тут же перевело ее слова. «Конечно. Следуй за мной». – Не забывай говорить на нашем языке, пока ты здесь. Так парижане будут более стоворчливы-

ми.

Я приняла это к сведению. Перед тем как уйти, я повернулась к Ашеру.

– Спасибо, что проводили меня, Сераф.

– Мне только в радость, Лей, – сверкающая улыбка стерла с его лица беспокойство, что появилось после упоминания имени Джареда.

Следуя за Офаном Полин по лабиринту из тихих коридоров, я взглянула вверх на звездное небо Элизиума, единственный источник света, кроме огненных прожилок кварца.

Женщина проводила меня в похожую на мою спальню, хоть и меньше: четыре голые кварцевые стены, куполообразный потолок, собственная ванная комната и две двуспальные кровати, заправленные белым постельным бельем.

– Сколько ты планируешь у нас оставаться?

– Зависит от хода миссии.

Офан нажала на одну из стен, и шкаф открылся.

– Мириам вознеслась в прошлом месяце, так что комната полностью твоя, сколько пожелаешь.

– Спасибо.

Я прошла к кровати и положила сумку. Почувствовав на себе чужой взгляд, я обернулась через плечо, гадая, что же привлекло внимание Полин, если мои крылья уже исчезли.

– Цвет твоих волос такой... нестандартный.

«Нестандартный» никогда не звучало комплиментом.

– Как и мои крылья, – вздохнула я.

– Какого они цвета?

– Серебряные.

– И?

– Просто серебряные.

Ее губы приоткрылись.

– Могу я посмотреть?

Я выпустила их наружу.

Офан обошла меня по кругу, чтобы рассмотреть крылья.

Я надеялась, что цвет, вернее его отсутствие, отвлечет ее от нехватки перьев.

– *Incroyable*⁸. *Никогда не видела неоперенную с крыльями чистой истинности. Ты, должно быть, невероятно чисто-красная.*

– Или ангелы, которые меня создали, потратили весь цвет на мои волосы.

Она ухмыльнулась.

– У обоих твоих родителей крылья чистой истинности?

– Я не знаю.

– Ты никогда не видела их крылья?

– Я никогда не видела их самих.

– Они тебя не навещали?

– Нет.

Не было ничего необычного в том, что родители не искали своих детей до их вознесения. Некоторые не хотели привязываться на случай, если потомки не достигнут небесно-

⁸ Поверить не могу (*фр.*).

го города. Хотя мне и интересно узнать что-нибудь о родителях, это любопытство приправлено болью, которая уменьшила желание встретиться с ними.

Если я когда-нибудь стану матерью, то буду жить в гильдии вместе со своим неоперенным. Или по крайней мере попытаюсь. Это не разрешалось, но если я стану супругой серафима... Ну вот опять, строю воздушные замки.

– Мне нужно вернуться к нашему почетному гостю, но я была рада познакомиться с тобой. Лей, *correct*⁹?

– *Oui*¹⁰.

– Позови меня, если что-то понадобится.

– Спасибо, Офан.

Как только женщина ушла, я повесила одежду, приняла душ, а потом зависла перед шкафом в размышлениях: сразу лечь спать или подготовить одежду к предстоящему дню? Лицо Джареда возникло перед моим внутренним взором. Кого я обманываю? Нет и шанса, что у меня получится заснуть. Я посмотрела на рассветное кобальтовое небо. Джаред, вероятно, еще не проснулся, но если я уйду пораньше, у меня будет время изучить местность. Я понятия не имела, как дойти от гильдии до его дома.

Я надела черную юбку до колена и такого же цвета кофту с длинными рукавами, которая была так застирана, что ткань немного обвисла и спадала с одного плеча. Я постаралась по-

⁹ Верно? (*фр.*)

¹⁰ Да (*фр.*).

править кофту, но как только я скользнула ногами в черные туфли на каблуках и взяла сумку, мое плечо снова оголилось. Ну отлично. Надеюсь, французы посчитают это стильным.

Стараясь не шуметь, я последовала за звуком журчащей воды. Мои шпильки цокали по камню. Прямо как в нашей гильдии, стены атриума были покрыты буйно цветущими растениями. Но вместо вьющейся жимолости здесь цвели розовые розы. Из-за них вид и запах зала немного отличался от нашего. Разницу также подчеркивали статуи в самом сердце семи фонтанов. Пока я изучала кварцевые фигуры небесных существ, острый аромат в сочетании с отсутствием сна и адреналином заставили мою голову закружиться. Встреча и приключения с новым человеком обычно воодушевляли меня, прямо как чтение новой книги. Однако этим утром страх вытеснил энтузиазм – слишком многое поставлено на карту.

Позаимствовав мужество у статуи ангела, размахивающего золотым щитом, я прошла через атриум в фойе в форме полумесяца. Там я отперла один из стеклянных шкафчиков отпечатком пальца. Внутри лежала тонкая пачка купюр, которая пополнялась, пока сумма не становилась баснословной.

Я спрятала деньги в сумочку, а затем, украв еще один глоток небесного воздуха, распахнула дверь и шагнула в неизвестность.

Глава 7

Когда дверь гильдии захлопнулась, я осмотрелась, чтобы изучить местность. Небо было темным, но улица – нет. По сторонам от брусчатой дороги находились тротуары, слишком узкие для пешеходов. Улицу освещали старинные чугунные фонари, торчащие из известняковых фасадов двухэтажных домов.

Мужчина, затянувшись сигаретой, поливал из шланга тротуар перед своей пекарней. Видимо, единственная бодрствующая душа, помимо меня, я проверила время на телефоне – 04:15 утра.

Я улыбнулась ему и заслужила этим:
– *Bonjour*¹¹, мадемуазель.

Из освещенной пекарни, где женщина с пухлыми красными щеками раскатывала длинную полоску белого теста, до меня донесся запах растопленного масла.

Моя заинтересованность дала повод мужчине предложить на быстром французском:

– У нас лучшие круассаны во всем Париже. Они будут готовы через два часа.

Мой живот заурчал.

– Тогда я вернусь попозже, – сказала я, спускаясь по изо-

¹¹ Доброе утро (*фр.*).

гнутой мощеной улице.

– Мы распродаем все до восьми вечера.

Я взглянула на него через плечо:

– Значит, я приду до восьми.

Я открыла карту в мобильном приложении, чтобы проверить свое местоположение – торговый переулок Сен-Андре, – и указала, куда мне надо попасть – площадь Вогезов¹². Мне предстоял получасовой путь через квартал Сен-Жермен, который немного напомнил мне Ист-Виллидж¹³ с его лабиринтами причудливых улиц.

Когда я смогла выбраться из городских дебрей на речную набережную, у меня отвисла челюсть. Резной известняк украшал по краю сланцевые крыши, что блестели так же ярко, как река, пронизывающая город. Внезапно мне захотелось, чтобы у меня было больше времени, чтобы мне не нужно было спешить из-за миссии. Эта мысль омрачила великолепный вид, и в дополнение к этому я заметила двух бездомных в спальных мешках на картонных подстилках. Не все прекрасно в человеческом мире.

Я пересекла мост через реку, что окружала остров Сите¹⁴. Крошечный остров был еще тише, чем район, через который

¹² Площадь Вогёзов (*фр.* Place des Vosges) – старинная площадь в Париже.

Площадь Вогёзов (*фр.* Place des Vosges) – старинная площадь в Париже.

¹³ Ист-Виллидж (*англ.* East Village; дословно: «Восточное поселение») – нейборхуд в Нижнем Манхэттене на юге крупного района Ист-Сайд.

¹⁴ Остров Сите (*фр.* Île de la Cité) – один из двух сохранившихся островов реки Сены в центре Парижа и вместе с тем старейшая часть города.

я только что прошла. Но как только я добралась до другого берега, послышался шум. Не очень громкий поначалу – случайный автомобиль или грузовик. Но потом я дошла до более широкой улицы под названием Риволи, и музыка хлынула на тротуар вместе с небольшими группами пьяных посетителей. Обогнув их, я приблизилась к площади, усеянной пышными деревьями, и осмотрела здания, обступающие общественный парк. Наконец я заметила уже знакомый мне каменный особняк. Именно его я заранее, среди ночи в Нью-Йорке, нашла на карте, чтобы не потеряться. Хотя вход затеняла аркада, которая проходила вдоль сонной улицы, карта в телефоне утверждала – это штаб-квартира Джареда.

Я пересекла дорогу и нырнула под готические арки к огромным кроваво-красным дверям. Если бы я не знала, что передо мной логово мафиози, я бы посчитала этот цвет привлекательным. Вместо этого он показался мне зловещим.

Въездная арка распахнулась, и из нее вышли двое мужчин в смокингах. Я застыла, пытаюсь затеряться в тени каменной колонны, но они заметили меня. Одинокая девушка в такой час наверняка привлечет внимание.

Один из мужчин быстро потерял интерес, однако другой продолжил разглядывать меня. Хотя в его волосах серебрилась седина, кожа оставалась гладкой.

– *Vous êtes perdue?*

Слова тут же перевелись в моей голове: «*Ты потерялась?*»

– *Non*¹⁵.

Мужчина прищурил свои бледно-голубые глаза.

– Тристан! – позвал его друг, открывая дверь черного седана с личным водителем.

– Я ищу Джареда Адлера, – протараторила я, надеясь, что голубоглазый мужчина сможет мне помочь.

– Что тебе нужно от Джареда? – спросил он на французском.

– Я хочу обсудить с ним... проект.

Мужчина ухмыльнулся:

– Теперь это так называется.

Что это?

– Можете представить меня месье Адлеру?

Друг Тристана начал раздражаться:

– *Von, tu viens ou pas?*

«Ты идешь?»

– *Non*, – ответил Тристан, не отрывая от меня взгляд. – Думаю, я мог бы представить тебя.

Когда взгляд мужчины опустил на мою грудь, я скрестила руки.

– Что ж, тогда я уезжаю, – сказал его друг и захлопнул дверь автомобиля.

– Джаред не спит? – спросила я Тристана.

– Нельзя устраивать вечеринку спящим.

Вечеринку? Это объясняет роскошный наряд Тристана.

¹⁵ Нет (*фр.*).

– Значит, сейчас как раз подходящее время поговорить с ним?

– Дорогуша, если Джаред не захочет говорить с тобой, то ничто его не заставит. – Должно быть, мои глаза стали немного шире, потому что Тристан добавил: – Расслабься. Он сто процентов захочет побеседовать с тобой.

– Почему вы так уверены?

– Ему нравятся симпатичные и мягкие вещи.

Он говорил о моем декольте, на которое все еще пялился, или обо мне в целом?

Мужчина подмигнул мне:

– Идем. Я провожу тебя в логово дьявола.

По моей спине пробежал холодок. Во что я себя втянула?

– Не думаю, что я подobaюще одета.

– Не беспокойся о своем наряде.

Я приподняла брови.

– За этими дверьми одежда недолго остается на людях.

Я сглотнула, и он рассмеялся.

– Я, эм... – я сильнее сжала свой телефон. – Вероятно, мне лучше вернуться попозже...

– Глупости.

Тристан переключил внимание на серебряную табличку без отметин. Хотя нет, это была не табличка, а звонок, на который он нажал пальцем.

Ашер. Селеста. Я повторяла их имена, пока они, словно краски с водой, не смешались в одно. Ашерлеста.

Глава 8

Я переступила через высокий порог и попала в огромный мощный двор. В центре находился фонтан с женщиной, облаченной в платье на одно плечо. Там было красиво, слишком красиво для логова мафиози.

– Ты же здесь не затем, чтобы убить его, да? – голос Тристана заставил меня оторваться от фонтана.

– Конечно, нет.

В моих ушах раздавался непрерывный стук. Сначала я решила, что это стучит мое сердце. Но затем томный пронзительный голос смешался со стуком, и я осознала, что это музыка.

– Просто проверяю. Не хочу попасть в неприятности с боссом. Стоило проверить раньше, но я... отвлекся.

Я придержала рукой, которая не была занята телефоном, липнущую к коже юбку.

– У тебя небольшой акцент. Американка?

Могу ли я себя ею считать?

– Да.

Он провел меня к еще одной двери.

– А откуда именно?

Пока мы шли, я заметила движение сбоку. Мужчина в черном костюме вышел из тени и бросил на нас цепкий взгляд. Тристан кивнул ему, и мужчина скрылся в темноте.

Еще одна фигура в черном кралась около противоположной стены. Я вдруг почувствовала невероятную благодарность за свою случайную встречу. Не знаю, как бы я смогла попасть во владения Джареда, если бы не незнакомец рядом.

– Нью-Йорк, – наконец сказала я.

Мужчина дважды постучал в неприметную дверь.

– Сколько тебе лет?

– Достаточно.

Его губы изогнулись.

Что заставило меня ответить так? Нервы. Я нервничала.

Мужчина, одетый в сшитый на заказ костюм, загородил дверной проем.

– Так быстро вернулся, Тристан?

– Разве я когда-нибудь ухожу в действительности? – добродушно ответил мой сопровождающий.

– К сожалению, нет.

Тристан усмехнулся.

– Кто эта девушка? – спросил здоровяк.

– Подруга, – медленно произнес Тристан. – Подруга, которая хотела бы лично увидеться с боссом.

Мужчина внимательно осмотрел меня, прежде чем отступить в сторону. Он кивнул на мою сумку, которую я открыла, чтобы доказать, что внутри не спрятано оружие.

Он хмыкнул.

– *Elle est mignonne, celle-là.* «Она милашка».

У меня по спине пробежали неприятные мурашки от это-

го комментария.

– *Celle-là parle le Français.* «Она говорит по-французски», – парировала я.

Мужчина поджал губы.

– Твоя сумка. Она останется здесь. Как и твой телефон.

Мюриэль! – позвал он.

Женщина в облегающем платье до колен с уложенными в изящный пучок темно-рыжими волосами раздвинула тяжелые шторы.

Охранник кивнул на мой наряд.

– *Tu t'occupes d'elle?* «Можешь ее подготовить?»

Сильно накрашенные глаза Мюриэль блеснули в тусклом освещении вестибюля, когда она оценивающе осмотрела меня.

– Теперь понимаешь, почему не нужно было беспокоиться о наряде? – услышала я шепот Тристана, и мурашки пробежали по моей ключице.

Мне почти захотелось сбежать.

Почти.

Ашерлеста.

Я спрятала свой телефон в сумку, прежде чем передать его мускулистому охраннику.

Он не взял сумку.

– Мюриэль уберет твои вещи. Следуй за ней.

– Я подожду тебя здесь, – пообещал Тристан.

Я собиралась сказать, что не надо ждать. Но потом реши-

ла, что лучше все же не отказываться от помощи человека, который казался частью ближайшего окружения Джареда.

Мюриэль провела меня через бордовые бархатные шторы в помещение, которое выглядело так, будто в старой британской гостиной взорвалась лавка диковинок.

Она выдвинула глубокий ящик.

– Ты можешь оставить свою сумку и одежду здесь.

Я положила в ящик свою сумку.

Женщина осмотрела меня с ног до головы.

– Какой у тебя?

– Извините?

– Размер одежды.

– Оу. Восьмой¹⁶.

Мюриэль подошла к вешалке с женской одеждой и достала платье из черной кожи и кружев.

– Эм, – я откашлялась, – у вас есть что-нибудь... с бóльшим количеством ткани?

Мюриэль улыбнулась, обнажив щель между передними зубами.

– Это самое закрытое из всех.

– Да что это за вечеринка такая? – ляпнула я.

Женщина опустила вешалку, улыбка погасла.

– *Ma chérie*¹⁷, если ты не знаешь, что происходит внутри, почему, ради всего святого, ты здесь?

¹⁶ Российский размер 48. Международный М.

¹⁷ Моя дорогая (*фр.*).

– Мне нужно поговорить с месье Адлером.

Мюриэль рассматривала меня почти целую минуту, прежде чем повесить платье обратно на вешалку и выбрать более скромное. Разрез на юбке все равно доходил до середины бедра, но, по крайней мере, это платье было сшито не из кожи. Но, к сожалению, оно было цвета моих глаз. Другими словами, зеленое, даже слишком зеленое. Если я и не против радужек такого оттенка, это не значит, что я жажду такое же тело.

– У вас нет ничего... другого? Чего-то, что не сделает меня похожей на комнатное растение.

Мюриэль покачала головой.

Эх.

– Здесь есть раздевалка?

Мюриэль отвернулась.

Видимо, нет.

– Я не буду смотреть, – сказала она.

Однако женщина, должно быть, подглядывала. Потому что оттолкнула мои неловкие пальцы и застегнула молнию, которая проходила по всей длине платья сзади. А затем обошла меня, чтобы поправить рукава-крылышки, упавшие с моих плеч.

Чье это платье?

– Откуда вся эта одежда?

– Различные бутики. Я отвечаю за их покупку для вечеринок Джареда, когда наряды гостей не соответствуют его

ожиданиям.

Густой черный макияж Мюриэль растекся по морщинкам, обрамляющим глаза цвета океана.

Что за человек будет так сильно заботиться о чужой одежде?

– Оно будто сшито для тебя.

Мюриэль собрала мои волосы и перекинула через плечо, где они рассыпались, подобно медной пряже. Затем женщина взглянула на мои ноги.

– Симпатичные туфли.

– Спасибо.

Я разгладила атлас, который будто был нанесен аэрозолем на мою кожу.

– Он действительно настолько ужасен, как все говорят?

Когда Мюриэль приподняла бровь, я пояснила:

– Джаред Адлер. Слышала, он не отличается добротой.

– Я служу ему двадцать пять лет.

– Двадцать пять?

– Да. Двадцать пять. Меня наняли в день его рождения, – она шагнула к корзине, стоящей на полке. – Люди ищут Джареда не из-за его доброты.

Тем не менее это то, за чем пришла я.

Мюриэль выудила из корзины черную изящную маску и повязала мне на голову, прежде чем вывести из странного гардероба.

– Почему бы тебе самой не составить о нем мнение?

Когда я прошла сквозь занавески, Тристан прервал разговор с угрюмым охранником.

– Возможно, провести тебя внутрь – не такая уж отличная идея.

– Почему?

Мужчина вытащил маску из внутреннего кармана куртки и надел ее с ловкостью человека, привыкшего носить подобное.

– Потому что я бы предпочел оставить тебя себе.

– Ох.

Я коснулась своей покрасневшей шеи, внезапно почувствовав благодарность за маску, которая скрывала часть лица.

Мускулистый охранник хмыкнул, подходя к богато украшенной деревянной двери, которая оказалась такой толстой, что только при ее открытии до меня донеслась медленная, страстная мелодия. Тристан предложил мне свою руку. Я сомневалась, стоило ли ее принять, но напомнила себе, что именно он провел меня внутрь.

К тому же это всего лишь рука.

Взяв Тристана под локоть, я вошла в настолько темную комнату, что у меня получилось рассмотреть хоть что-то только спустя мгновение. И когда я это сделала, сразу зажмурилась и опустила голову. Уверена, увиденное будет стоять мне перьев.

Возможно, всех.

Глава 9

Мне пришлось открыть глаза, чтобы ни во что и ни на кого не наступить. Хотя я не отрывала взгляда от глянцевого паркета, к сожалению, продолжала слышать симфонию из стонов и криков, которые перекрывали чарующую мелодию, что разносилась по комнате.

Мое сердце билось в такт струнам арфы, звуки которых сопровождали певца. Даже в самых безумных снах я не видела себя добровольно посещающей такую вечеринку. Где гости были в разной степени обнажены и делали друг с другом вещи, о которых я не читала даже в самых порочных любовных романах.

Казалось, что мы преодолели целый городской квартал, прежде чем Тристан остановился. Пара блестящих черных туфель наткнулась на заостренные кончики моих шпилек, отражая мое бледное в маске лицо.

– Кто это? – раздался мужественный скучающий голос.

– Лей, – подсказала я, все еще не рискуя поднимать взгляд.

– И почему ты здесь?

– У нее есть проект для тебя, – сказал Тристан.

Мужчина обхватил мой подбородок и приподнял голову. Хотя он был в маске, я узнала его глаза – темные, обрамленные настолько длинными ресницами, что они могли бы обвиться вокруг моего мизинца.

Мой пульс резко ускорился, когда два озера тьмы поглотили меня. Летящую в воздухе смесь мускуса и специй перекрыл новый аромат – почвы и свежести, словно от фиговых листьев после ливня. Я вдохнула его так глубоко, что почти задохнулась от запаха Джареда Адлера.

Должно быть, он был уверен, что я не отвернусь, потому что убрал свой палец с моего подбородка.

– Кто рекомендовал мои услуги?

Краем глаза я улавливала извивающиеся тела.

– Есть ли здесь более уединенное место, где мы могли бы все обсудить?

Уголок его губ дернулся.

– Я не беру плату натурой.

Отвращение захлестнуло меня.

– Я не проститутка.

Хотя маска скрывала выражение лица Джареда, она не прятала изгиб губ, который смягчился от моей яростной реплики.

– Какая у тебя фамилия?

– Это не имеет значения. – У меня ее попросту не было. – Вам все равно незнакома моя семья. Мы все живем в Америке.

– Я не подчищаю беспорядок за пределами моей страны.

– Работа не за границей.

Мужчина наклонил голову, завиток темных волос упал на маску, заслонив его глаза.

– Что это за работа?

– Я же сказала. Я не хочу обсуждать это здесь.

Джаред встретился взглядом с Тристаном, который предложил:

– Мы могли бы пройти в твой кабинет.

– У тебя есть пять минут, Лэ.

Мужчина выделил мое имя. В его исполнении Лей прозвучало как Лэ¹⁸, что по-французски значит «уродливая». Это было намеренно? Чтобы поставить меня на место собственным именем?

Тристан положил ладонь на мое предплечье, мы все еще стояли с ним под руку.

– Пойдем.

– Вряд ли ей нужна твоя помощь, чтобы ходить, Тристан, – сказал Джаред.

– Вряд ли, – ответил Тристан с вызовом и непринужденностью, что заставило меня задуматься о характере их отношений.

Двоюродные братья? Лучшие друзья? Были ли друзья у такого человека, как Джаред?

Джаред развернулся и быстрым шагом направился через переполненный зал, обходя парочку, пожирающую лица друг друга. По крайней мере на этой паре все еще была большая часть одежды.

Пока мы шли через темную комнату, я пыталась сосредото-

¹⁸ Laid [лэ] – уродливый.

точиться на фигуре Джареда: подтянутой и худощавой.

– Вы родственники? – не сдержалась я.

– Считаешь, мы похожи?

– Нет, но кажется, вас здесь все знают. И то, как вы с ним разговариваете...

Взгляд Тристана остановился на затылке Джареда.

– Мы выросли вместе, но мы не родственники.

Мне было любопытно узнать побольше, но мы догнали Джареда, так что пришлось отложить вопросы на потом. Джаред распахнул двустворчатые двери, которые привели нас в черно-белую мраморную прихожую с широкой изогнутой лестницей. Жил ли он этажом выше или это был просто его офис?

Охранники стояли около обеих дверей: тех, через которые мы только что прошли, и тех, которые открывал Джаред.

Он щелкнул выключателем. Торшеры и медные канделябры ожили в подчеркнуто мужском пространстве, пахнущем старым пергаментом и лаком для дерева. Вдоль каждой стены стояли книжные полки из красного дерева, а четыре шикарных кресла в центре комнаты были обиты темно-зеленым бархатом.

Джаред сел в одно из кресел, затем указал на противоположное. Я оторвалась от Тристана, чтобы грациозно опуститься на предложенное место. Что было подвигом, учитывая мое подобное смирительной рубашке платье.

– Сними свою маску, – сказал он.

Я бы не отказалась от «пожалуйста», но все равно сняла маску и положила себе на колени. Мое атласное платье так сильно натянулось, что я боялась порвать ткань.

Джаред осмотрел меня сквозь свою черную маску.

– Тристан, налей нашей гостье выпить.

– Я не пью, – возразила я.

– Мы не собираемся подсыпать тебе наркотики, Лэ, – сказал Джаред, снова коверкая мое имя.

Мои пальцы стиснули ленты маски.

– И все же я не пью.

Джаред снова уставился на меня, его взгляд, казалось, стал жестче под маской.

– И мое имя произносится как Лей.

– Разве я не так говорил?

– Нет, вы говорили иначе.

Улыбка, мелькнувшая на губах мужчины, доказала, что он делал это намеренно.

– Расскажи мне о своем проекте.

Я намотала шелковую ленту на указательный палец.

– Вы не снимете свою маску? Мне некомфортно.

Джаред откинулся назад, рукава его смокинга натянулись, поблескивая фиолетово-черным в слабом освещении.

– Нет.

Я моргнула.

– Меня не волнует твой комфорт. Прямо сейчас мне на тебя наплевать, а у тебя осталось всего, – Джаред взглянул

на блестящие восьмиугольные часы, которые выглядели дороже, чем масляная картина с резвой гнедой лошастью, висевшая между двумя занавешенными французскими дверями¹⁹, – три минуты, чтобы заинтересовать меня. Так что лучше начни объяснять, что тебе от меня надо.

Я так плотно намотала ленту на кончик пальца, что перекрыла кровообращение. Я отпустила ее и позволила распутаться самой.

– Я здесь, чтобы понять, чем вы занимаетесь.

На секунду изменившееся выражение его лица показало, что он не ожидал такого ответа.

– Понять, чем я занимаюсь? – почти выдавил мужчина, прежде чем его глаза превратились в узкие щелочки. – На кого ты работаешь? ГУВБ?²⁰

– ГУВБ? Я не знаю, что это...

Джаред развернулся в кресле, чтобы посмотреть на Тристана, который наливал себе в бокал какой-то прозрачный алкоголь.

– Где ты подобрал эту девушку?

– На твоём пороге.

Джаред повернулся назад и уставился на меня с такой яростью, что у меня защемило позвоночник.

– Какого черта ты забыла на моем пороге?

¹⁹ Французские двери – двустворчатые двери с остеклением в пол.

²⁰ ГУВБ (Главное управление внутренней безопасности) – контрразведка Французской Республики, одна из специальных служб Франции.

Я прикусила нижнюю губу, подбирая правильные слова.

– Я пришла помочь вам.

– Ах. Помочь мне, – на лице мужчины снова появилось выражение презрительного веселья.

Я попыталась расправить плечи, но мое платье было таким узким, что я едва могла пошевелиться.

– Дай угадаю. Твой проект – это спасение моей души.

У меня отвисла челюсть.

Он понял, кто я? Я оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что мои крылья не появились случайно. Хотя о чем это я? Люди не смогли бы их увидеть, даже если засунуть перья им в нос.

– Меня не интересуют твои проповеди. Я совершенно доволен своей жизнью, – Джаред встал и зашагал обратно через комнату. – Тристан, убери эту маленькую фанатичку из моего дома и не забудь сообщить сотрудникам, чтобы они никогда не позволяли ей переступить порог «La Cour des Démons».

Я моргнула.

– Но...

– Убирайся.

Мое лицо полыхнуло. Я вскочила и подбежала к нему.

– Вы именно такой, каким вас описывают, Джаред Адлер. – Мой голос дрожал. Я ненавидела эту дрожь. – Я всего лишь пришла помочь вам.

– Лгунья. – Он шагнул ближе, нависая надо мной, словно

монстр из детских историй, которые нам рассказывала Офан Пиппа, когда я еще жила в детской. Монстр, созданный из греха и плоти. – Ты пришла сюда, чтобы помочь себе.

Я резко втянула воздух.

– Я не врала, но вы тоже правы. Я действительно пришла сюда, чтобы помочь самой себе.

Его брови под маской взлетели вверх.

– Ты признаешься в этом?

– Я же сказала, я не лгу.

– Все лгут.

– Только не я, – я выдержала его тяжелый взгляд, затем вышла в тихое мраморное фойе.

– Как помощь мне поможет тебе? – спросил он.

Я взглянула на него через плечо.

– Не могу сказать.

– Почему?

– Вы не поймете.

– А ты рискни.

Я покачала головой, плотно сжав губы.

– Чтобы очистить свою душу?

– Нет.

– Получить повышение?

– Нет.

– Расскажи. Мне.

– С чего бы? Вы только что сказали, что никогда больше не хотите видеть меня.

Джаред кивнул своим телохранителям.

– Они не выпустят тебя из этого дома, пока не расскажешь.

Я сжала кулаки.

– Нельзя использовать силу, чтобы насильно удерживать людей взаперти.

– Позволь мне проводить ее... – начал Тристан, но Джаред остановил своего друга хлопком по груди.

– Тогда для чего мне использовать свою силу, Лэ?

Снова. Снова мое имя в его исполнении звучит ужасно.

– Вы должны использовать ее во благо.

У Джареда хватило наглости ухмыльнуться.

– Позволь мне поделиться маленьким секретом. Когда я делаю жизнь одних людей хуже, у других она становится лучше. Я восстанавливаю баланс.

– Почему бы вам не оставить это профессионалам?

– Дай угадаю. Сейчас ты должна рассказать мне о Боге и о том, как я должен попытаться найти его...

– Бога не существует.

Его глаза сверкнули под маской.

– Тогда кто же там?

– Никто. Там никого нет, – прорычала я, не собираясь рассказывать этому человеку с комплексом бога о нас. Хотя не то чтобы мне вообще было позволено раскрывать наше существование.

Ощущение чего-то острого, впившегося мне в лопатку,

заставило меня резко развернуться. Стиснув зубы, я приготовилась приказать охранникам отойти, но обнаружила позади себя только пустоту.

Глава 10

Что-то блеснуло на квадрате черного мрамора подо мной. Хотя мои губы снова приоткрылись, с них не сорвалось ни звука.

Я потеряла перо.

Меня захлестнул шок.

Моя ярость – или ложь? – стояла мне пера.

Серебряные капли задрожали, а затем начали расплываться под веками. Желание поднять перо и прижать к груди жгло меня изнутри, но меня окружали люди. Если бы я присела на корточки и взяла в руки воздух, то только подтвердила бы их мнение о моем сумасшествии.

Я с трудом сглотнула и оторвала взгляд от пола.

– Я хочу уйти, – хрипло пробормотала я, непрошенная слеза скатилась по моей щеке. Я вытерла ее костяшками пальцев. Я пришла, чтобы заработать перья, и вот я их теряю.

Не сводя с меня глаз, Джаред сказал:

– Отведи ее домой, Тристан.

Тристан внимательно посмотрел на молодого босса мафии, прежде чем кивнуть и мягко сжать мой локоть. Как будто мой срыв каким-то образом сделал меня лучше в их глазах. Или, возможно, Тристан был нежен со мной, потому что у него было то, чего явно не хватало в организме Джареда, – сердце.

Я смахнула еще одну слезу, пока шла сквозь сумрачное логово порока, безотрывно следя за линиями между половинцами.

Я не произнесла ни единого слова, пока Мюриэль вела меня в гардеробную и помогала снять платье. Если она о чем-то и думала, то виду не подавала. Я одарила ее слабой улыбкой, от которой в глазах женщины появилось беспокойство. Но с чего бы ей волноваться обо мне? Если она работала на Адлеров с рождения Джареда, то она была предана ему.

Тристан засовывал маску в нагрудный карман смокинга, когда я вышла из вестибюля.

– Увидимся через пару часов, Амир.

Охранник что-то проворчал, открывая дверь.

Я хмуρο прошла мимо него в освещенный рассветом двор, бросив последний взгляд на статую, украшающую середину фонтана. Плечо женщины выглядело странно, поэтому я обошла ее по кругу. Трещины и сколы покрывали спину скульптуры, однако передняя часть сохранилась хорошо.

– Раньше у нее были крылья, – произнес Тристан, подходя ко мне сзади, – но Джаред разрушил их в день смерти своей матери. Ударил молотком по статуе, крича, что ангелы – придурки.

Меня пробил озноб.

– Он потерял обоих родителей к восьми годам. Думаю, несложно понять, что он перестал верить в высших фантастических существ.

– А что насчет вас? Вы верите в высшие силы?

Добрая улыбка тронула уголки его губ.

– *Il y a bien trop de merde dans ce monde.* – «В этом мире слишком много дерьма». – Если кто-то и присматривает за нами, то получается у них отстойно. Но, эй, если ты во что-то веришь, я буду последним, кто осудит.

– Спасибо.

– За что?

За то, что восстановили мою веру в человечество.

– За то, что были милы со мной.

Улыбка Тристана стала немного оживленнее.

– Обычно это прилагательное не ассоциируется с моей персоной.

За плечом Тристана колыхнулись тяжелые портьеры, как будто кто-то раздвинул их и затем отпустил. Это окно в кабинете Джаред или в логове, кишашем инкубами?²¹

– Машина нас уже ждет, – голос Тристана отвлек меня от дома.

– Машина?

Мужчина направился к въездной арке, изнутри тоже выкрашенной в кроваво-красный цвет.

– Джаред попросил отвезти тебя домой, что я и собираюсь сделать.

Я поспешила сказать то, что не произнесла раньше:

²¹ Инкуб – в средневековых легендах распутный демон, ищущий сексуальных связей с женщинами.

– Я умею ходить. Я бы предпочла пройтись пешком.

Тристан открыл дверь.

– Прости, Лей, но если я проигнорирую приказ Джареда, то поплачусь за это.

Я побледнела.

– Поплатишься? Как?

– Не забивай свою хорошенькую головку тем, как Джаред наказывает нарушителей.

– Вы не можете говорить такое и ожидать, что я не буду беспокоиться.

Мужчина подошел к черному городскому автомобилю, мало чем отличающемуся от того, который ранее забрал его друга. Возможно, это была одна и та же машина.

Я поплелась за ним.

– Тристан, вы беспокоитесь о своей жизни? Я могу помочь вам выбраться...

Его брови сошлись на переносице, а затем он расхохотался.

– Я обязан Джареду своей жизнью, Лей. К тому же мне нравится моя работа. Некоторые могли бы даже сказать, что я отлично с ней справляюсь. Если бы они все еще были рядом, чтобы говорить о моих подвигах.

Тристан подмигнул мне, будто это было забавно. Но если эти люди не были рядом, значит... Я вздрогнула.

Он кивнул на заднее сиденье.

– Залезай.

Я хотела отказаться, особенно после его последнего комментария, но все же нырнула в машину. Как хорошо, что я бессмертна.

Как только Тристан устроился рядом со мной, седовласый водитель взглянул в зеркало заднего вида.

– *On va chez vous*, месье Тристан?

«Едем к вам домой?»

– *Non*²². Мы подвозим домой мою спутницу. Сен-Жермен, верно?

Я разинула рот.

– Как...

– Обычно туристы останавливаются там.

Ох.

Водитель отъехал от тротуара.

– *Où à Saint-Germain?*

«Где именно в Сен-Жермен?»

– *Odéon*, – ответила я, вспомнив название с карты.

Тристан провел пальцами по своим посеребренным черным волосам.

– «Одеон» – это станция метро, Лей.

– Оттуда недалеко идти.

– Сейчас пять часов утра, – заметил Тристан. – Я не высажу тебя напротив станции метро.

– Я сама дошла до вас.

– Тогда я тебя не знал.

²² Нет (фр.).

– Правда, Тристан, все в порядке.

– Лей...

Эх.

– Хорошо. – Вряд ли мы еще увидимся. – Торговый переулок Сен-Андре.

Эта мысль испортила мое и без того подавленное настроение. Неудивительно, что никому так и не удалось перевоспитать Джарета Адлера. Я обдумала каждую минуту, которую он мне выделил. Могла ли я сделать что-то иначе или он вышвырнул бы меня вон, что бы я ни сказала? Я все еще размышляла об этом, когда водитель подъехал к обочине бульвара Сен-Жермен.

Я вышла, и Тристан тоже.

– Вы же не собираетесь провожать меня до двери, да?

Наши кварцевые обитатели были видны только существам с ангельской кровью. Так что вряд ли он увидел бы что-то, кроме обычного человеческого подъезда, если бы заглянул внутрь гильдии. Тем не менее я сомневалась, что мои собратья неоперенные и офанимы оценят, если грешники будут знать о местоположении дома.

На лице мужчины заиграла еще одна дерзкая улыбка.

– Я горжусь своей вежливостью.

Его галантность начинала давить на меня.

– Вы упорны.

– Меня не зря называют Питбулем.

По коже пробежали мурашки.

– Как вы получили это прозвище?

– Я никогда не отпускаю.

Я медленно переваривала его ответ.

– Это потому что вы боитесь того места, куда приземлитесь?

Улыбка Тристана дрогнула.

– Что?

– Люди обычно держатся изо всех сил, потому что боятся упасть.

Я направилась вниз по узкой извилистой улочке, надеясь, что мужчину отпугнет психологический анализ. Но вскоре слабый стук моих каблуков стал не единственным звуком, эхом отдающимся от булыжников.

– Я ничего не боюсь, – Тристан схватил меня за плечо и развернул к себе.

Я всмотрелась в его лицо.

– Каждый чего-то боится, осознанно или нет.

Облизнув губы, я подумала о том, как боялась не завершить свое обучение вовремя – и речь не о свадьбе Ашера. А о четырнадцати месяцах, через которые кости крыльев исчезнут с моей недостойной спины.

Я вздохнула. Восемьдесят два... Я потеряла только одно перо, но мои крылья казались легче.

– Однако страх по своей сути неплох. Если вы используете его как топливо для своих целей.

Тристан отпустил меня.

– Чего боишься ты?

– Не выполнить свое предназначение.

– И какое же оно?

Как это возможно объяснить и не выдать секреты?

– Помочь людям стать лучше.

Он прищурил один глаз.

– Твое предназначение – стать святой?

– Кем-то вроде.

– Ну, *Maman*²³ надеялась, что я буду сапожником, однако я решил иначе.

На секунду я увидела Тристана, который превращал жесткую шкуру в обувь. Но я отогнала это видение.

– Я бы выбрала этот путь из всех возможных.

– Твои родители миссионеры?

– Думаю, их можно так назвать.

– Значит, они навязывают тебе свой образ жизни?

– Нет! – я выпалила это так быстро, что Тристан распахнул глаза. – Это мой выбор.

– Ты уверена в этом, Лей?

– Конечно.

Мужчина издал такой звук, будто его это не убедило.

– Что?

– Выбор – это когда есть более одного варианта. У тебя есть другие варианты?

Мой другой вариант – стать смертной и бесполезной.

²³ Мама (*фр.*).

– Меня они не интересуют.

– Тогда это не выбор.

– Боже, вы действительно питбуль, – проворчала я.

Тристан горделиво ухмыльнулся, хотя это не было комплиментом.

– Я бы с удовольствием рассказала вам всю свою жизнь, но не могу. Кроме того, мы никогда больше не увидимся.

– Никогда не говори «никогда».

– Тогда позвольте мне перефразировать. Крайне маловероятно, что мы столкнемся снова, потому что я покину этот город до конца дня. И я не буду искать вас или Джареда, чтобы сказать последнее *adieu*²⁴.

Уголки его губ приподнялись еще выше.

– Я слышал эту речь тысячу раз, и женщины всегда возвращались.

Я закатила глаза.

– Прощайте, Тристан.

Я развернулась и пошла вниз по улице. На этот раз Тристан не стал догонять меня, но я чувствовала его взгляд, пока не скрылась в мире из кварца и перьев.

²⁴ Прощай (*фр.*).

Глава 11

Направляясь через атриум к спальням, я столкнулась и поздоровалась с двумя ранними пташками. Удивленно приподняв брови, они ответили на приветствие. Я не стала утруждать себя знакомством, так как собиралась собрать вещи и уехать. До меня только сейчас дошло, что до конца дня я стану еще на два перышка легче. Эх.

Заползая в свою спальню, я пробормотала:

– Худшее. Решение. В жизни.

– Какое?

Я коротко взвизгнула.

– Селеста? Что ты здесь делаешь?

Девушка свернула футболку и убрала в ящик.

– Оказывается, в этом городе много грешников, и один из них нуждался в небольшой помощи.

Как только шок от встречи с подругой прошел и мой пульс снизился до более или менее нормального ритма, я спросила:

– Ты же не выбрала Тройку?

– Нет. Пятерку, – Селеста осторожно посмотрела на меня. – Итак, какое решение было худшим в твоей жизни?

Я подошла к своей кровати и плюхнулась на спину, раскинув руки по сторонам. Матрас дважды подпрыгнул, прежде чем мое уставшее тело утонуло в нем.

– Выбор Тройки.

Если подумать, я сделала это, чтобы быстрее попасть в Элизиум. Возможно, именно поэтому моей миссии с самого начала было суждено провалиться. Ведь я здесь не ради Джареда, а ради себя.

– Все прошло не очень?

– Я потеряла перо.

Рот Селесты в форме сердечка приоткрылся.

– Ты никогда не теряла перья.

– Именно, – я застонала от своей глупости. Или наивности? – И скоро я лишусь еще двух.

– Ты бросаешь миссию? – воскликнула подруга.

– Он не хочет меняться.

– А с каких это пор грешники хотят измениться?

– Он был груб.

– А милыми они когда были?

– Из-за него я потеряла перо.

– Как?

– Он так сильно разозлил меня, что я соврала.

– О чем?

– Он спросил, есть ли кто-нибудь наверху, – я перевела взгляд на крышу и посмотрела в окно, выходящее на Элизиум, – и я сказала «нет».

Матрас просел, а затем мягкая ладонь легла на мою руку.

– Ты все равно не могла рассказать ему о нас.

– Да. Но лгать необязательно. Я могла бы увильнуть от вопроса, сказать, что верю в какое-то высшее существо.

Селеста некоторое время молчала. Затем сказала:

– То есть ты сдаешься, потому что он разозлил тебя?

– Он заставил меня потерять контроль. Я никогда не теряла контроль.

– Верни контроль, но не сдавайся.

Я коротко выдохнула.

– А ты услышала, что он не был заинтересован в моей помощи?

– Да, я поняла. О нет, он капризный. Но вот как я вижу эту ситуацию. Ты сейчас сдаешься и теряешь еще два пера, что делает тебя...

Когда Селеста начала прищелкивать пальцами, я добавила:

– На восемьдесят четыре пера дальше от Элизиума.

– Он Тройка, так что все еще стоит сотни перьев.

– Отличные математические способности.

Девушка ткнула меня в ребра.

– Так как насчет того, чтобы посвятить ему еще шестнадцать перьев, прежде чем признать поражение?

Мои глаза широко распахнулись.

– Ты подталкиваешь меня потерять еще шестнадцать перьев?

– Я подталкиваю тебя не быть последней трусихой. – Селеста вскочила на ноги и вернулась к распаковке своей одежды. Вещи на вешалках казались почти кукольными. В общем-то рост Селесты – всего полтора метра.

– Я когда-нибудь упоминала, как я на тебя равнялась? И не потому что ты на тридцать сантиметров выше.

Я не была такой уж высокой. Всего лишь метр семьдесят.

– А потому что ты не сдаешься. Так что не начинай сейчас, – она искоса посмотрела на меня. – И если тебе нужна дополнительная мотивация... Дома все ожидают, что ты сдашься.

– Что? – я села так резко, что перед глазами все поплыло. – Кто думает, что я собираюсь сдать?

– Все.

Ева, конечно, так не считала, так что нельзя говорить «все». Может быть, все, кроме Евы.

– Я хочу есть. Пойдешь завтракать? Я слышала, что *pains au chocolat*²⁵ тут пальчики оближешь.

Я постаралась успокоиться и избавиться от раздражения, которое возникло из-за того, что все ставили против меня.

– Я разозлила тебя? Твои глаза только что стали цвета черного Абаддона.

Нечто в тоне Селесты заставило меня подумать, что она ни капельки не раскаивается в вызванном у меня гневе.

Мои губы были сжаты слишком плотно, чтобы позволить словам вырваться наружу. Пристальный взгляд Джареда промелькнул перед моим внутренним взором. Я не могу вернуться туда... Тристан будет дразнить меня, а Джаред...

²⁵ Pains au chocolat – французские булочки с шоколадом, которые пекутся из такого же слоеного теста, как круассаны.

Что бы он сделал, если бы я снова появилась на пороге? Его огромный вышибала-телохранитель Амир выбросил бы меня на свалку?

Уголки глаз и рта Селесты приподнялись одновременно.

– Позавтракаешь со мной, прежде чем вернуться в Нью-Йорк?

– Почему ты на меня так смотришь?

– Как так? – она невинно похлопала ресницами.

– Взглядом кота, поймавшего канарейку.

Подруга моргнула, как будто понятия не имела, к чему я клоню.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты здесь, чтобы убедиться, что я не сдамся.

Она опустила свой странный взгляд.

– Я хочу, чтобы это была ты, а не Ева или какой-либо другой неоперенный. И судя по тому, что я видела на вечеринке в гильдии, Сераф Ашер хочет того же. Так что, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, не сдавайся.

Я скривила губы, вспомнив свое упавшее перо, мерцающее на черном мраморе.

– Я знаю, что давлю на тебя, Лей. Но я хочу увидеть, как ты добьешься успеха. А ты добьешься. Ты всегда справляешься с трудностями.

Я была похожа на крылатую версию Тристана. Когда образ летающего питбуля появился в моем сознании, я почти выдавила улыбку.

– Обещаешь дать своей Тройке еще один шанс? Или шестнадцать шансов?

Селеста смотрела на меня настолько широко раскрытыми, полными надежды глазами, что я вздохнула.

Я положила руку на ее узкие плечи.

– Я не пожертвую шестнадцатью перьями, но попробую еще раз. А теперь давай поищем эти *pains au chocolat*. Мне понадобится еда, если я хочу пережить этот день.

– Кстати, я храплю, – сказала Селеста.

Я рассмеялась.

– Рада слышать.

Карие глаза девушки сверкнули. У меня не было братьев и сестер. По крайней мере тех, о которых я знала. Нас отправляли в гильдии после первого же глотка небесного воздуха. Так что нашей настоящей семьей была не та, в которой мы родились, а та, которую мы создали во время обучения. Некоторые неоперенные считали эти отношения простой дружбой, но в узах, сплетенных в гильдиях, не было ничего простого.

По крайней мере, не для меня.

Мои отношения и с Селестой, и с Евой были глубокими и запутанными. Наша связь нарисована слезами и отточена смехом, и она не ослабевает всю жизнь.

Целую вечность.

Я прижала крошечную Селесту к себе.

– Спасибо, что пришла сюда и надавала мне по шее.

Ее веснушки потемнели.

– Расскажи теперь ты о своей миссии, – попросила я.

Пока подруга рассказывала о своем воришке, я задумалась, пришла бы сюда Ева, если бы не была занята своей собственной миссией. Интересно, преуспела ли она уже. Я выкинула эти мысли из головы и сосредоточилась на Селесте, которая была рядом со мной.

Которая была единственной, кто пришел меня поддерживать.

Глава 12

Мы пробродили по кривым улочкам Парижа бóльшую часть утра. После Селеста отправилась на встречу со своим грешником. А я прилегла вздремнуть на часик, который превратился в десяток часиков. Когда я проснулась, небо Элизиума уже стало пурпурным от звезд, а значит, на Париж тоже опустилась ночь.

Я не сразу встала – смотрела на звезды и обдумывала свое ужасное решение. Неужели я действительно подписалась на Тройку? Действительно ли я ходила к нему домой, встретила его и потеряла перо?

Я перевернулась на бок и обнаружила на соседней кровати маленький комочек, издающий тихое похрапывание и увенчанный копной длинных каштановых волос. Селеста.

Вздыхнув, я сбросила одеяло и на цыпочках обошла комнату. Одной рукой я расчесывала волосы, которые в свете ангельского огня казались пронизанными медью и золотом. А другой расстегивала две верхние пуговицы черного платья, потому что моей груди в нем было тесно. Неужели она снова выросла? Я повернулась боком, осматривая свое тело. Корсаж определенно стал слишком тугим, но, если я расстегну еще несколько пуговиц, стану похожа на женщин с вечеринки Джареда. И хотя я хотела, чтобы меня снова пригласили в «La Cour des Démons», все равно не была в восторге от веро-

ятности, что меня могут принять за одну из особых гостей.

Я шла туда по делу, а не ради удовольствия.

Я отложила расческу, схватила сумку и вышла из спальни, аккуратно прикрыв за собой дверь. В отличие от сегодняшнего утра, многие неоперенные были уже при деле. И я снова ловила на себе пристальные взгляды, пока шла по гильдии.

– Bonsoir²⁶, Лей, – сказала Офан Полин, когда я проходила мимо нее.

Я улыбнулась и пожелала спокойной ночи. Я услышала, как неоперенный спросил Полин обо мне – «перевод из Гильдии 24», – а чуть позже тут и там зазвучало имя Ашера. Должно быть, он уже произнес свою речь. Он все еще здесь или уже ушел? И если ушел, помог ли пройти через поток кому-нибудь? Когда я вышла в сумерки, ревность окутала меня, как паутина. Едва заметная, но тем не менее липкая.

Я резко остановилась.

Ревность стоила Еве пера. Я взмолилась, чтобы со мной не произошло того же, и закрыла глаза, ожидая жжения. Я сделала три безболезненных вдоха и подняла веки. Затем покрутилась, проверяя булжники вокруг своих бронзовых шпилек. Должно быть, этой ревности недостаточно для потери пера.

На этот раз я поехала на метро, предположив, что так будет быстрее, чем пешком. Но пожалела о своем решении, как только почувствовала запах пота, который исходил от спе-

²⁶ Добрый вечер (*фр.*).

шащих по туннелям людей.

Женщина в разорванной одежде, с перепачканными грязью щеками и спящим на ее коленях ребенком, протянула мне бумажный стаканчик, наполненный монетами.

– Shivouplait, – сказала она, позвякивая чашкой.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы разобрать ее речь. «*S'il vous plaît*». «*Пожалуйста*». Я достала из сумки синюю купюру и сунула ее в стаканчик.

Моргнув, женщина посмотрела на купюру, потом на меня, но не поблагодарила. Надеюсь, она использует эти деньги, чтобы накормить своего ребенка. Хотя, к сожалению, я сомневалась в этом. В Нью-Йорке тоже немало попрошайек, и большинство из них покупают алкоголь или отдают деньги своему боссу.

Я продолжила спуск по туннелю и услышала скрежещущий звук от торможения поезда, который эхом отразился от выложенного плиткой перрона. Чуть не свалившись с крутой лестницы, я влетела в поезд прямо перед тем, как стеклянные двери захлопнулись.

Четыре остановки спустя я пересела в другой поезд на еще более оживленной станции, а затем еще десять минут тряслась в извивающейся металлической трубе под Парижем. Я вынырнула из-под земли и жадно втянула воздух, который не пах тысячами тел.

Как же хотелось уметь летать!

Я взглянула на темно-синюю табличку на углу здания,

чтобы понять, где я нахожусь, и направилась на восток, к ухоженной площади и зловещим красным дверям. По пути я обдумывала предлог, который поможет мне попасть на еще одну аудиенцию с лидером «Суда Демонов».

Меня приводила в ужас сама идея того, чтобы снова встретиться лицом к лицу с Джаредом. Но, оказавшись у багрового входа, я все же нажала на звонок. В отличие от вчерашнего дня, дверь не открылась сразу. Я чуть-чуть подождала и позвонила снова. Ничего. Должно быть, Джаред отдал приказ не впускать меня.

Однако он не мог оставаться внутри вечно. И, учитывая его род деятельности, он обязан принять посетителя. А я хороша в выжидании людей.

Я достала книгу, которую захватила с собой, и прислонилась к одной из каменных колонн аркады, повернув страницы к фонарному столбу. Я была готова ждать всю ночь, если понадобится.

Час спустя я захлопнула книгу, потрясенная финальным сюжетным поворотом – девушка выбрала не герцога, а конюха. Я не могла понять, что чувствую. Я была настолько уверена, что героиня в конце окажется с герцогом, что не обращала внимания на конюха. И вот он превзошел своего господина.

– Мне казалось, она собирается покинуть страну, – прозвучал грубый голос.

Я так резко вскинула голову, оторвав взгляд от обложки,

что чуть не потянула шею.

Светлые глаза Тристана сверкнули в темноте, и уголки его губ приподнялись в улыбке.

Прежде чем он успел сказать «я же тебе говорил», я облизнула губы.

– Месье Адлер, я знаю, вы не хотели видеть меня...

– Джаред.

– Что?

Он скрестил руки на груди, из-за чего рукава его прекрасного темно-синего костюма натянулись. На манжетах белой рубашки поблескивали запонки в виде черепа и костей.

– Месье Адлером был мой дядя.

– Ох. Эм, ладно.

– Почему ты здесь?

– Чтобы объясниться. – Джаред примет мою помощь, только если преподнести ее как нечто совершенно иное. – Я поспорила со своим лучшим другом, что смогу заставить тебя совершить один добрый поступок. И я многое потеряю, если потерплю неудачу.

Я ждала, когда перо оторвется от моих крыльев, ведь на самом деле я не делала никаких ставок. Ангелам не разрешалось играть в азартные игры, даже если это было не ради денег. По какой-то причине – возможно, потому что в моих словах все же присутствовала правда – ни одно перо не упало.

– Добрые поступки никоим образом не принесут мне

пользы.

– Они принесут пользу твоей душе.

Джаред фыркнул.

– Мне нравится моя душа такой, какая она есть.

Я изумленно уставилась на мужчину. Он Тройка, напомнила я себе. Тройки не заботятся о своих душах. Точно так же, как они не заботятся ни о ком, кроме себя. Я бросила быстрый взгляд на улицу – ни прохожих, ни машин. Почему я все еще здесь?

Верно...

Селеста.

Ашерлеста.

– Тебе бы не понравилась твоя душа, если бы ты знал, какое она имеет значение, – сказала я.

– И какое же? – Джаред склонил свой щетинистый подбородок к шее. – Что она значит, Перышко?

Я уже собиралась дать ему базовое объяснение, которым нам разрешалось делиться с людьми, но осознала слово, которое он только что произнес. Перышко. Стук моего сердца начал отдаваться в висках.

– Почему ты меня так назвал?

– Как так?

– Ты только что назвал ее Перышком, – подсказал Тристан.

Время тянулось бесконечно, прежде чем Джаред ответил:

– Потому что она выглядит мягкой и бесхребетной. Как

перышко.

Мне следовало бы поморщиться или возмутиться из-за «мягкой». Сначала Тристан, теперь Джаред... Разве нельзя описать меня по-другому? Но прозвище попало в точку.

– Черви бесхребетны, у перьев есть стержни.

– Стержень – это не позвоночник, – на губах Джареда заиграла улыбка. – Но если ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя Червяк...

– Нет! Перо подойдет, – я облизнула губы. – Значит ли это, что ты дашь мне второй шанс?

– Ну, на тебя приятнее смотреть, чем на Тристана.

– *Salaud*²⁷, – *выругался Тристан, но, судя по смешку, не всерьез.*

Джаред повернулся к въездной арке.

– Будет весело.

Это будет совсем не весело. Ни капельки. Но если я смогу заставить его изменить хоть одно ужасное решение, оно того стоит.

Джаред позвонил в свою собственную дверь – у него нет ключа? – и повернулся ко мне.

– Когда закончится ваш спор?

– Через месяц.

Щелк.

Джаред прижал пальцы к лакированному дереву.

– У тебя есть двадцать четыре часа.

²⁷ Сволочь (фр.).

– Что? – пискнула я.

– Я весь твой на один день. Как только твое время истечет, ты перестанешь преследовать меня.

– Я не преследую тебя.

Джаред кивнул в сторону колонны, у которой я его поджидала, и на книгу, все еще зажатую в моих руках.

– А как ты называешь осаждение моего порога? Осмотр достопримечательностей?

Ладно, возможно, я преследовала его.

– Я хочу, чтобы ты навсегда убралась из моей жизни через двадцать четыре часа. Соглашайся или уходи сейчас, Перышко. Мне все равно.

Мое сердце тикало в груди, как бомба. Смогу ли я изменить этого человека за один день?

– Часы сна не считаются.

– Хорошо торгуется, – заметил Тристан.

– Ладно, – сказал Джаред.

Тристан бочком приблизился ко мне и пробормотал:

– Молодец, Лей.

Я удивленно уставилась на него, гадая, почему он меня поздравляет.

Рука Тристана опустилась на мою поясницу.

– Не в привычке Джареда давать второй шанс.

– Время, которое ты тратишь на флирт с моими сотрудниками, считается в трехкратном размере.

Я резко отодвинулась от Тристана.

– Я не флиртовала, – возразила я, проходя к двери, которую придерживал Джаред.

Тристан хотел пройти следом, но Джаред приказал:

– Иди домой. У меня все под контролем.

Тень сомнения промелькнула на лице Тристана и заставила мой желудок судорожно сжаться. Хотя я и не знала Тристана лучше, чем Джареда, но он был словно буфер между нами. А я вроде как хотела буфер. Однако я не проронила ни слова, так как не собиралась показывать слабость. Это единственная возможность, и я ею воспользуюсь. Сотня перьев может стать моей еще до конца дня.

Я выпрямилась, что придало мне мужества, и прошла мимо Джареда. Дал ли он мне настоящий шанс или у него были грязные планы на меня?

– О чем задумалась, Перышко?

– Собираешься называть меня так все время?

– Имеешь в виду в течение следующих двадцати четырех часов? Да. Разве только Лэ нравится тебе больше.

Почему ему обязательно произносить мое имя настолько ужасно?

– Мне не нравится, как ты его произносишь.

– А что не так?

Я прищурила глаза, чтобы показать: я не купилась на его притворную невинность. Он ухмыльнулся:

– Тогда оставляем Перышко.

Когда тяжелая дверь с лязгом закрылась, я тихо выдохну-

ла. Над внутренним двором не было крыши, но я еще никогда не чувствовала себя такой скованной.

Джаред внимательно посмотрел на мои приоткрытые губы, на мои глаза, а затем на волосы, которые я нервно заправила за уши. Он шагнул вперед, взял в руку прядь моих волос и поднес ее к слабому свету фонаря.

Я оттолкнула его пальцы.

– Что ты делаешь?

– Проверяю, настоящий ли цвет.

– Это не твое дело.

– Мне нравится знать, с каким человеком я имею дело. Женщины, которые красят свои волосы в яркие цвета, хотят выделяться. А ты производишь впечатление интроверта.

– Цвет естественный, ясно? – Шепотом я добавила: – Поверь, если бы я могла перекрасить их во что-то нормальное, то сделала бы это.

Краска не действовала на ангельские волосы. Я пыталась. Несколько раз.

– Если бы могла? – брови Джареда сошлись на переносице. – Тебе нельзя красить волосы из-за веры?

– Я не собираюсь тратить двадцать четыре часа, которые ты так великодушно выделил мне, на обсуждение моих волос, хорошо?

Уголок его губ приподнялся.

– Что же мы тогда будем обсуждать? Погоду?

– Поговорим о том, как тебе стать лучше.

Джаред фыркнул.

– Я безнадежен, Перышко. На твоём месте я бы не стал и пытаться.

– Но ты не я, – я растерла руками предплечья, чтобы отогнать прохладу апрельской ночи.

– Я бы лучше обсудил твои волосы.

– Если ты веришь в свою безнадежность, зачем давать мне второй шанс?

Больше не улыбаясь, Джаред сказал:

– У меня свои причины.

Моя кожа покрылась мурашками.

– Какие?

– Неважно.

Мне следовало вовремя отказаться и выбрать кого-нибудь другого. Кого-то, кто не выглядел словно хищник, которому нравилось играть со своей жертвой.

– Ты же не собираешься запереть меня и пытаться? – не сдержалась я.

– Я обещал тебе двадцать четыре часа, а не объяснение своих поступков.

Он направился ко входу в особняк из известняка. На пороге стоял Амир, отдаленно напоминающий стальную балку. Он сердито смотрел на меня, словно я была какой-то крысой, которую Джаред вытащил из канализации и принес домой в качестве питомца.

– Ты идешь, Перышко? У тебя осталось всего двадцать три

часа и сорок семь минут, чтобы изменить мое ужасающее поведение.

Насмешливые нотки в голосе Джареда не ускользнули от меня. Он не верил, что я смогу исправить его. По правде говоря, я и сама в это не верила. Но мне отчаянно хотелось вернуть свои перья, поэтому я направилась за мужчиной. Мои бронзовые туфли на шпильках застучали по булыжникам. Когда я проходила мимо фонтана, мой взгляд остановился на израненной спине статуи.

Это не предзнаменование, Лей.

Тогда почему именно предзнаменованием это и кажется?

По моему телу пробежала дрожь, когда я вошла в дом.

– Ты очарована моим фонтаном, – сказал Джаред.

Я посмотрела на его смуглое лицо.

– Жаль, что он сломан.

– Я думал, ты увлекаешься сломанными вещами.

Я вглядывалась в полуприкрытые глаза Джареда. Вестибюль освещался слабо, но я все равно разглядела: они были настолько глубокого карего оттенка, что казались черными.

– Это мой долг, а не увлечение, – возразила я, обходя мужчину.

Мюриэль сегодня не было, а дверь, ведущая в логово инкубов, была приоткрыта. Так что я подошла к ней.

– Твоя сумка, Перышко, – сказал Джаред. – Я не разрешаю пользоваться мобильными телефонами в доме.

Я прижала к себе мягкую кожу.

– Я не буду им пользоваться.

– Еще одна причина оставить телефон здесь.

Я прикусила губу, затем склонила голову, сняла сумку с плеча и протянула ее. Амир тут же схватил сумку.

– Он хорошо о ней позаботится, – успокоил Джаред.

Этот телохранитель не был похож на человека, который хорошо о чем-то заботится. Он казался человеком, который ломает шеи своими гигантскими руками и проламывает череп массивной головой.

Когда я поворачивалась, Джаред спросил:

– Ты собираешься починить ее, как только закончишь со мной?

– Что?

– Статую в моем фонтане.

Он расстегнул воротник своей белой рубашки.

– Зависит от обстоятельств, – я наблюдала, как Джаред расстегнул еще одну пуговицу, обнажив россыпь темных волос на груди. – Ты сохранил ее крылья?

Я скользнула взглядом вверх по его шее, зацепившись за резкий изгиб кадыка.

– Нет. Я превратил их в пыль.

– Тогда я мало что могу для нее сделать.

Я прошла мимо, молясь, чтобы моя судьба оказалась лучше, чем у статуи. Чтобы я покинула «La Cour des Démons» с целыми крыльями.

Или более тяжелыми.

Потяжелее было бы неплохо.

Глава 13

Зал, в котором проходила вечеринка, оказался огромной столовой. Длинный, покрытый лаком стол, должно быть, отодвинули в сторону прошлой ночью. Учитывая, что за ним могли с комфортом разместиться шестнадцать человек, я никак не могла его не заметить.

Вдоль стен с одной стороны тянулся выцветший гобелен со сценой охоты, а с другой находились три пары французских дверей, которые выходили во внутренний двор. Потолок являлся самой эффектной частью комнаты. Херувимы – такие, какими их представляли себе люди, крылатые и пухленькие – порхали по голубому небу или выглядывали из-за пушистых облачков.

– Дядя заказал рисунок для моей матери в качестве свадебного подарка. Она его обожала. Я как раз собирался закрасить.

Я оторвала взгляд от фрески.

– Я думал о краске с эффектом «яичной скорлупы». Или, может, стоит выбрать просто черный цвет. Чтобы соответствовал моей душе.

Я почувствовала, что Джаред просто пытается вывести меня из себя. Если бы он хотел уничтожить любимое панно своей матери, то сделал бы это раньше.

– Почему ты хочешь избавиться от воспоминаний о своей

матери, Джаред? Она плохо к тебе относилась?

Черты его лица стали еще острее. Я не была уверена, сердится он на меня или на женщину, которая считала херувимов милыми. Мне вдруг захотелось, чтобы его досье имело больше информации.

– Ты ешь что-нибудь, кроме радуги, Перышко?

Его вопрос потряс меня.

– Радуги?

Резкость испарилась с лица Джареда, но черты не смягчились. В Джаред Адлере не было ничего мягкого.

– Горшочки с золотом²⁸, но только на завтрак, – выдала я.

Мой ответ вызвал у него улыбку, которую я могла бы назвать сокрушительно прекрасной. Если бы не пребывала все еще в ужасе от того, что скрывалось за ней.

– Я дам знать Мюриэль.

– У нее есть поставщик?

– А я-то думал, что фанатики унылые.

– У тебя на удивление много предубеждений о фанатиках. Полагаю, я не первый фанатик, с которым тебе довелось столкнуться.

Пристальный взгляд Джареда впился в мой.

Прежде чем я успела спросить его об остальных, двери столовой открылись.

²⁸ По ирландской легенде лепреконы хранят в конце или начале радуги горшочки с золотом.

– *Pardonne-moi*²⁹, Джаред. Я не знала, что ты развлекаешься.

– Ты неправильно все поняла, Мими. Это меня развлекают.

Мими? У Джареда было прозвище для каждой близкой ему женщины? Не то чтобы я была ему близка. Хотя технически я была женщиной и буду рядом с ним в течение следующих двадцати трех с небольшим часов.

Мюриэль изобразила легкую улыбку. Несмотря на густой макияж, она была красивой женщиной.

– Не хочешь поужинать?

– С удовольствием.

Улыбка женщины стала шире.

– Твоя гостья присоединится?

– Да, – ответил за меня Джаред.

– Спасибо, – сказала я, прежде чем она ушла.

– Не за что, – Мюриэль закрыла дверь.

– Она очень заботится о тебе, – заметила я.

Джаред снял пиджак и бросил его на спинку одного из обитых тканью обеденных стульев, а затем занял место во главе стола.

– Ей платят за заботу.

Я вздрогнула.

– Сомневаюсь, что она заботлива поэтому.

Мужчина отодвинулся назад и закинул ногу на ногу. Его

²⁹ Прошу прощения (*фр.*).

штанина задралась, обнажив красный носок, который сочетался с карманом на пиджаке.

– Она бы не осталась, если бы я уволил ее.

– Не верю.

– Конечно, ты не веришь. В твоём мире все хорошие и добросердечные.

У меня пересохло в горле.

– В моём мире?

– Очевидно, ты живёшь в мыльном пузыре, Лэ. Только по-настоящему бесхитростный человек может прийти в мой дом в ожидании доброты.

Я не понимала, стоит мне чувствовать облегчение или обиду.

Он наклонил шею из стороны в сторону, и она хрустнула.

– Итак, теперь ответь мне, почему тебе необходимо выиграть это пари. Что ты можешь потерять?

– То, что я хочу.

– Что именно?

– Неважно, – сказала я, возвращая его же слова.

– Не сомневаюсь. Причина наверняка поверхностная, но меня это заинтересовало. Чего ты так сильно хочешь, что готова провести день с кем-то настолько ужасным, как я?

– Почему ты делаешь то, что делаешь?

– Прошу прощения?

– Почему ты убиваешь и пытаешь? Или чем вы там ещё занимаетесь в своей организации?

Я ожидала, что Джаред задаст ответный вопрос. Но он откинулся назад и положил руку на резной деревянный подлокотник своего кресла, которое больше походило на трон, чем на домашнюю мебель.

– Потому что мне нравится наказывать людей.

По моему телу пробежала дрожь.

– Почему?

– Почему ты хочешь исправлять людей, Перышко?

Джаред профессионально отражал вопросы. Каждый раз, когда я затрагивала нечто важное, он либо насмехался надо мной, либо менял тему.

– Чтобы дать им шанс на лучшую жизнь.

– Ну, мне нравится наказывать людей, потому что это дает шанс на лучшую жизнь тем, кого они обидели.

– Как ты выбираешь, кого наказать?

– Обычно из-за крупных пожертвований, но первого числа каждого месяца я принимаю бедняков, которые могут доказать, что им нужна моя помощь. Я как настоящий Робин Гуд.

Я заняла место слева от Джареда.

– Робин Гуд был грабителем и убийцей, который считал себя выше закона, чем заслужил дурную славу. Тебе не следует выбирать его в качестве образца для подражания.

Добродушное выражение слетело с лица Джареда.

– Ты не перо, а игла, – проворчал он.

Прежде чем я успела оправдаться, высокие двойные две-

ри распахнулись. И в комнату впорхнула Мюриэль в сопровождении двух мужчин в накрахмаленных серых униформах. Пока один раскладывал перед нами ажурные подтарельники и тканевые салфетки, сложенные веером, другой расставлял тарелки с жареной курицей, тонко нарезанной морковью и порцией чего-то, что пахло картофельным пюре.

Мюриэль водрузила блюдо с подливкой.

Я схватила серебряный половник, чтобы полить соусом ароматно пахнущую еду. – Пахнет восхитительно.

– Это любимое блюдо Джареда, – ответила женщина.

Это заставило меня прищуриться и посмотреть на Джареда, который наблюдал за наполнением своего бокала.

Мюриэль работала не из-за денег. По крайней мере, не только из-за них. Неужели он действительно этого не видел? Правда ли он верил, что каждый пытается извлечь из него выгоду?

Прежде чем я успела отказаться от вина, мой бокал наполнили. Закончив, официант легким движением запястья повернул бутылку и скользнул взглядом по мне.

– Глаза вверх, Сильвен, – рявкнул Джаред.

Мальчик перевел взгляд на гобелен, щеки его пылали.

– Убирайся, – приказал Джаред.

Официант попятился, чуть не споткнувшись о бордовый ковер с темно-зеленым узором, а затем поспешил прочь.

Джаред сжал вилку.

– Уволь его, Мими.

У меня отвисла челюсть. Он серьезно?

Как только Мюриэль и второй официант удалились и оставили меня с мистером Угрюмым, я спросила:

– Это из-за того, что он посмотрел на мои волосы? Ты разглядывал мои волосы, Джаред. Все это делают. Не стоит кого-то увольнять из-за такой мелочи.

Джаред наколол курицу и отправил кусочек в рот. Проглотив еду, он сказал:

– Не указывай мне, как вести дела, Перышко.

Я выпрямилась.

– Ты трогал мои волосы, а он нет. Он даже ничего не сказал про цвет.

Джаред, наконец, поднял глаза, такие черные, словно они были сделаны из оникса.

– Он смотрел не на волосы, – сказал он, прежде чем откусить еще кусочек, – а на твою грудь. С другой стороны, она почти вываливается из твоего платья. Так что, возможно, ты этого и хотела.

Как и официант, я покраснела. Мое декольте и правда было выставлено напоказ, но не намеренно. Я ничего не ответила, и Джаред тоже. Мы ели в тишине. В такой напряженной, что я почти чувствовала, как она липнет к моей коже, словно патока.

Джаред съел все до последнего кусочка и принялся за бокал с вином.

– Ты должна попробовать вино, – его тихий голос после

продолжительной тишины звучал словно через мегафон. – Это «Шато Лафит» 1978 года.

Я положила вилку и нож на край тарелки и выпила немного воды.

– Я еще вчера сказала, что не пью.

– Это не просто выпивка, Перышко. Это история в бутылке. Жидкое золото. Амброзия богов.

– Я не могу.

– Попробуй.

– Джаред, я не могу.

– Попробуй, иначе я уйду в свою комнату на все оставшееся время, и ты потратишь его впустую, сидя здесь в одиночестве.

– Ты не понимаешь.

– Тогда объясни мне!

– Моя вера запрещает алкоголь.

– Твоя вера бессмысленна. Один глоток тебя не убьет.

Я прикусила губу, но не потому что колебалась, а потому что начинала злиться на него за упрямство и боялась сказать что-то, что могло стоить мне пера.

– Я никому не скажу, – произнес он.

Я стиснула зубы.

– Я. Не. Могу.

Джаред оттолкнулся от стола и встал.

Когда он направился к двери, я воскликнула:

– Ты несправедлив!

– Перестань ожидать от меня справедливости. Я нечестный человек. Однако я человек слова. Я уйду, если ты хотя бы не попробуешь мое вино. Я не прошу тебя напиться. Я лишь прошу...

Слезы защищали мои глаза. Я схватила свой бокал и залпом выпила темную жидкость. Я изо всех сил старалась не распробовать его вкус. Не наслаждаться бархатистой текстурой, покрывающей мое нёбо, не смаковать сладкий и земляной аромат, обволакивающий язык.

Я правда пыталась возненавидеть вино, но не смогла. Так что я решила возненавидеть мужчину, который заставил меня нарушить правила.

– Ты жестокий человек, Джаред Адлер.

Он вернулся на свое место.

– Разве оно не превосходно?

– Оно отвратительно.

Колющая боль, которую я ожидала, когда пила вино, пронзила меня сейчас. Я стиснула зубы и со стуком поставила бокал на стол. Ножка отломилась и поцарапала ладонь. Но физическая рана была ничем по сравнению с агонией от потери еще одного пера.

Слезы закапали с моего подбородка, когда серебристое перышко опустилось на ковер.

– Зря я вернулась.

Нужно уйти, пока меня не ощипали словно птицу, которую я только что съела. В горле встал ком. И слезы потекли

по щекам, смешиваясь с пролитым на дрожащие колени вином.

Глава 14

Моя травмированная рука была перевязана тканью. Я распахнула покрасневшие глаза и обнаружила Джареда на корточках рядом со мной. Он помог мне.

Хоть я была вне себя от гнева, все равно удивилась, что не вкус запретного плода стоил мне пера, а ложь. По крайней мере, мне так показалось. Устав гадать, я взяла все еще полный бокал Джареда и осушила его.

А потом я ждала. И ждала.

Ничего не произошло.

Ничего. Не. Произошло.

Это только сильнее испортило мне настроение, потому что я не могла винить Джареда за поврежденные крылья. Все было только на моей совести.

– Тебе же понравилось, правда, Перышко? – его легкомысленный тон привел меня в ярость.

– Никогда больше не угрожай мне, – с негодованием прошипела я. – «Нет» значит «нет».

У него перехватило дыхание.

– *Pardon*³⁰.

Узел в моем горле ослаб. Из всех ожидаемых от него ответов я не могла и предположить извинение.

³⁰ Прости (*фр.*).

Двери столовой распахнулись, и раздались короткие распоряжения. Мгновение спустя Джаред затянул салфетку вокруг моей руки и деликатно положил ее мне на колени. После он отошел в сторону, чтобы официант мог убрать разбитый бокал и вытереть стол.

Наблюдая, как пятно, словно свежая кровь, расплзается по белой скатерти, я услышала вопрос Джареда:

– *Mimi, tu peux aller lui chercher quelque chose à se mettre? Et un pansement.*

«Мими, ты можешь купить ей какую-нибудь одежду? И пластырь».

– *Non*³¹, – возразила я. – Не хочу менять платье.

И Джаред, и Мюриэль посмотрели на меня.

– Оно черное.

Даже если вино пропитало ткань, никто бы не заметил.

– А еще мокрое, – заметил Джаред.

– Высохнет.

Я не собиралась надевать платье из его ужасающего гардероба. Конечно, сейчас мое собственное платье не было особо удобным, но все же оно мое. Оно не касалось кожи другой женщины и не впитало ее духи.

– Прости, что разбила твой бокал, – машинально извинилась я. – Сколько я тебе должна?

Тяжелый рифленый хрусталь, вероятно, стоил бы мне всех карманных расходов. Все в доме Джареда казалось дорогим.

³¹ Нет (*фр.*).

– Бокалов для вина мне хватит на шесть жизней вперед.

Не то чтобы его ждет еще хоть одна, если он не изменится. Я пообещала сама себе: если я потеряю еще хоть одно перо, сразу уйду.

Больше никакой лжи.

– Хочешь десерт, Лей? – спросила Мюриэль. – Сегодня днем я приготовила шоколадный мусс для персонала.

Несмотря на то, что мой желудок был похож на гигантский узел, я пробормотала:

– Конечно.

Мюриэль вернулась через несколько минут с хрустальной миской в руках, наполненной настолько темным муссом, что он напомнил глаза Джарета. Женщина поставила миску передо мной на свежую скатерть и потребовала показать порез. Я засомневалась, потому что чувствовала, как моя кожа заживает. Что, если рана уже затянулась? Как бы я объяснила, откуда взялась кровь? Поморщившись, я надорвала порез большим пальцем и только затем показала руку.

Мюриэль осторожно развернула салфетку и сбрызнула мою ладонь антисептиком, подув, чтобы уменьшить жжение, прежде чем наклеить пластырь. Никто не ухаживал за мной с тех пор, как у меня появились кости крыльев, и эта забота немного смягчила отчаяние от потери еще одного пера.

– Спасибо, – шепнула я.

Женщина улыбнулась и забрала испачканную салфетку.

– Дай знать, понравится ли тебе мусс.

Когда она ушла, я спросила Джареда:

– Ты не хочешь попробовать?

– Я не люблю десерты.

Я нахмурилась.

– Почему?

Он пожал плечами, поднося ко рту только что наполненный бокал с вином.

– Просто никогда не пробовал.

Мужчина прикоснулся губами к краю бокала и наклонил его. Я наблюдала, как он сглатывает и как его заостренный кадык подрагивает на изящном горле.

Прежде чем Джаред успел поймать мой взгляд, я повернулась к муссу. Десерт оказался настолько воздушным, будто ничего не весил. Я отправила кусочек в рот и чуть не застонала, когда вкуснейший шоколад коснулся языка. Меня часто интересовало, почему шоколад не является грехом. Не то чтобы я жаловалась. Если бы шоколад считался грехом, мне пришлось бы отказаться от него, и какой бы унылой тогда стала жизнь. Я съела еще одну ложку, плотно сжав губы, чтобы ни один смущающий звук не вырвался.

Проглотив, я дочиста облизала ложку.

– Ты многое упускаешь. Это божественно.

Джаред покрутил бокал с вином, затем поднял его, но прежде чем сделать глоток, заметил:

– Тебе же больше, – тембр его голоса стал более хриплым,

будто алкоголь натер голосовые связки. – Я все пытаюсь понять, сколько тебе лет.

– А ты как думаешь?

– Может, просто скажешь мне?

– Двадцать. Скоро исполнится двадцать один.

– Откуда ты?

– Я родилась... – я почти сказала «в Элизиуме», но мне нельзя рассказывать о своем первом доме смертным. – Я выросла в Нью-Йорке, но родилась в другом месте, о котором ничего не помню.

Это не было ложью, поскольку меня унесли в гильдию в ту же секунду, как перерезали пуповину.

– У тебя есть братья или сестры?

– Две сестры. Одной пятнадцать, другая моего возраста.

Между его бровями пролегла небольшая складка.

– Вы близнецы?

Я похлопала по муссу тыльной стороной ложки, выровнивая верхушку.

– Вроде того. Мы не родные сестры. – Когда он нахмурился, я добавила: – Мы выросли вместе. В школе-интернате для девочек.

– Потому что твои родители миссионеры?

– Что?

– Тристан сказал мне, что они были проповедниками.

– Ох. Эм. Не проповедниками. Скорее охранниками. Я с ними почти не общаюсь. Мои родители оба были арелимами

в Абаддоне – стражами подземного мира.

Джаред поставил свой бокал, капля выплеснулась наружу.

– Кого они охраняют, раз им пришлось бросить тебя в школе-интернате?

Любопытство Джареда несколько затрудняло избегание лжи. Это напомнило мне игру «Да или Нет», в которую я играла с Селестой, когда помогала в детской гильдии. Она всегда побеждала меня.

Я аккуратно сформулировала ответ:

– Мои родители – охранники в тюрьме.

Что было отчасти правдой, ведь они служили в Абаддоне.

Джаред издал низкий рык, который в сочетании с неодоб- рительным взглядом заставил меня напрячься.

– Ты не имеешь права судить их, Джаред.

– Возможно, но ты имеешь. Однако тебя, видимо, не бес- покоит, что тебя бросили.

– Потому что меня не бросили.

– А как ты это называешь?

Вместо того чтобы сцепиться с ним рогами, я решила по- меняться ролями.

– Итак, ты вырос с дядей? Он был хорошим человеком?

– Дядя основал «La Cour des Démons», так что нет, он не был хорошим человеком.

– Но он был добр хотя бы к тебе?

– Да. Он обеспечил моим родителям крышу над головой, когда они остались без дома, усыновил меня после смерти

мамы, а потом оставил мне все это, – мужчина обвел рукой комнату.

– Как он умер?

Джаред закинул ногу на ногу и немного раздраженно качнул ей.

– Разве ты не наводила справки о моей семье? Это было во всех газетах.

Мне и правда следовало разузнать больше информации, но я не успела из-за спешки. А затем я собиралась отказаться от этой миссии, и нужды уже не было.

– Он попал в автомобильную аварию, – взгляд Джареда был прикован к окну, которое выходило на сонный внутренний дворик и подсвеченный фонтан. – Что не было случайностью.

Его признание не удивило меня. У боссов мафии было много врагов, и вполне очевидно, что их не ждала спокойная смерть. Джареда может постигнуть та же участь, если он не сменит профессию.

– Не боишься, что тебя могут убить?

Он одарил меня испепеляющей улыбкой.

– Я лучше умру от пули, чем от скуки.

– Нормальная работа не всегда скучна. Особенно если найти дело по душе.

– Давай лучше снова о тебе.

– Не люблю говорить о себе.

Он сцепил пальцы за головой и откинулся назад.

– Какие у тебя сексуальные кинки?

Мои щеки словно обожгло.

– Тебе не нужно краснеть, Перышко. Не мне тебя судить.

– Все не так, – я опустила взгляд на свой мусс. – Я просто не хочу обсуждать с тобой секс.

– Почему?

– Я тебя не знаю.

– Это и есть причина?

– Одна из них.

– А какие остальные?

Боже. Не только Тристан питбуль, но и Джаред.

– Потому что этот разговор ни на йоту не приблизит меня к цели.

– Я думал, твоя цель – заставить меня совершить один добрый поступок.

– Так и есть.

– Как насчет того, чтобы я совершил его в спальне? – Джаред взял бокал с водой, стоявший рядом с вином, и сделал большой глоток.

Я уставилась на него, разинув рот. А затем, как только оправилась от непристойного предложения, сказала:

– Во-первых, это не считается. А во-вторых, я бы потеряла все свои перья, потому что внебрачный секс – это грех, я берегу себя для брака.

Мужчина поперхнулся водой. Не думала, что возможно ошеломить Джареда Адлера. Однако, очевидно, моей сохра-

ненной добродетели это было под силу. Я предполагала, что женщины в его окружении были не из тех, кого волнуют целомудрие и клятвы.

Он вытер рот рукавом, потом медленно провел пальцем по ободку бокала, заставляя тот звенеть.

– Как интересно. – Его сухой тон тем временем утверждал, что он не находил это ни в малейшей степени интересным. Бессмысленным, устаревшим, ужасным, но точно неинтересным. – Мое предложение остается в силе на время нашей интрижки. На случай, если передумаешь.

– Я только что сказала, что не собираюсь заниматься сексом до брака.

– Лучшая часть секса – это не проникновение, Перышко. Жар пробежал по моим венам, покрывая пятнами кожу. Джаред усмехнулся при виде того, насколько мне некомфортно.

Я потрясла головой.

– Не пытайся залезть мне в голову.

– Ох, я не пытаюсь влезть тебе в голову. Только под твоё платье.

Я не могла понять, почему он так стремился сбить меня с толку. И тут меня осенило.

– Ты получаешь удовольствие от запугиваний, не так ли? Это заставляет тебя чувствовать себя сильным.

Мужчина молчал. И не двигался. Даже его дыхание, казалось, застыло. Он не ожидал, что я его раскушу.

– Я не боюсь тебя, Джаред Адлер.

Больше нет. Я осознавала, что его укус будет жалить так же сильно, как и рык. Но меня нельзя убить. И пока я не лгу или не ругаюсь, я не потеряю ни одного перышка.

Он поднялся на ноги.

– А стоило бы.

Когда Джаред повернулся ко мне спиной, я потянулась за пером, которое ранее оторвалось от моих крыльев.

– Привет, я Лей.

Долгоязыые ноги Тревоора покачивались над головокружительной пропастью под нами.

– Твои родители очень волнуются за тебя.

Он посмотрел на меня, прежде чем фыркнуть и вернуть свой взгляд к сине-серой реке, несущейся под металлическими перилами, на которых мы сидели.

– Многие люди разыскивают тебя по их просьбе.

Тревоор не отрывал взгляда от Гудзона³². Если бы он действительно хотел спрыгнуть, то уже сделал бы это. Однако парень сидел здесь с наступления темноты, а уже почти рассвело. Это подсказало мне, что он не хотел заканчивать свою жизнь.

Чего он хотел – я узнала об этом из его голографической анкеты, прежде чем отправиться в центр города, – так это положить конец скорби. Которая раздирала его с тех пор,

³² Гудзон – река на востоке США.

как его младший брат отважился поплавать в бассейне, пока Тревор играл в видеоигры в гостиной.

– Как ты нашла меня? – наконец спросил он.

Я прищурилась из-за проблеска лаванды, вспыхнувшего на горизонте. Я не могла сказать, что мне дали его точные координаты, но и солгать тоже было нельзя.

– Если ты закончишь свою жизнь... это не вернет Сэма.

– Откуда ты знаешь о Сэме?

– Я читала о нем.

Несчастный случай с маленьким мальчиком, которого нашли плавающим в бассейне, потряс весь город. Это вызвало волну споров о том, стоит ли родителям доверять младших детей старшим братьям и сестрам.

Покрасневший взгляд Тревоора опустился на реку под нами.

– Твои родители любят тебя.

Я коснулась руки Тревоора, и он вздрогнул.

– Нет, это не так. Я убил своего брата.

– Ты не убивал его.

– Убил!

Я отшатнулась из-за резкости его тона.

– Я должен был присматривать за ним, а вместо этого я...

я играл в «Фортнайт».

Голос Тревоора сорвался, плечи ссутулились, он задрожал.

– Я не могу вернуться.

– Несчастные случаи случаются.

– Он умер из-за меня.

– Ты веришь в жизнь после смерти, Тревор?

Тень от волос окаймляла его дрожащую верхнюю губу. Парень был всего на год младше меня, но скорбь уже оставила на его лице отпечаток.

– Потому что я верю, – заметила я. – И также я верю, что твоего брата забрали ангелы и перенесли на небеса.

Он наблюдал за мной, не говоря ни слова.

– Я верю, что он смотрит на тебя сверху и желает, чтобы ты не ощущал настолько сильное горе и вину.

Тревор устремил мрачный взгляд на горизонт.

– Я верю, он хотел бы, чтобы ты ушел отсюда и нашел своих родителей.

– Я же говорил тебе... они ненавидят меня.

– Это неправда, Тревор.

– Перестань. Ты их не знаешь! И ты ничего не знаешь обо мне!

Я знала все о нем и о них. Я знала, что он стоил целых шесть перьев, больше, чем большинство двенадцатилетних. Я знала, что зависть стала его первым грехом – он помочился на трофей по хоккею своего двоюродного брата. Остальные пять грехов Тревор заработал за то, что оставил дверь во внутренний дворик незапертой и надел наушники, чтобы играть в видеоигру. И пропустил из-за этого громкий всплеск.

Он схватил меня за плечи и встряхнул.

Подождите... нет. Это было невозможно. В тот день Тревор только принял мою протянутую руку, наконец позволив помочь ему подняться на железные перила.

Он никогда не тряс меня.

– Перышко?

Я моргнула. Напротив были глаза, обрамленные таким количеством ресниц, что невозможно сказать, что они скрывают.

– Ты в порядке? Тебя качало.

Джаред перестал трясти меня, но его ладони остались на моих плечах. Как будто он боялся, что если уберет их, то я упаду.

Как долго я не реагировала?

– Прости.

Мужчина поднялся с корточек, потянулся через меня и снова присел, сунув мне в руки стакан воды.

– Я падал в обморок при виде крови, когда был ребенком.

Я сделала глоток, моя голова все еще кружилась от воспоминаний о первой встрече с Тревором.

– А сейчас?

– Я бы не очень хорошо справлялся со своей работой, если бы падал в обморок каждый раз, не так ли?

У меня пересохло в горле при напоминании о том, что я находилась в доме Тройки.

Не отвлекайся. Нужно оставаться начеку.

Я опустошила бокал, чтобы очистить разум от предыду-

щей миссии и сосредоточиться на нынешней.

Глава 15

Мюриэль и один из вооруженных охранников Джареда стояли в мраморном фойе, сложив руки перед собой.

– Мы можем убрать со стола ужин, Джаред? – спросила Мюриэль.

Он кивнул, прежде чем направиться вверх по лестнице.

Должна ли я последовать за ним? У него наверху еще одна приемная? Я не двигалась, ожидая указаний.

– Перышко, ты идешь?

Придерживая большим пальцем пластырь, я зашагала по мрамору к изогнутой лестнице, ощущая на себе пристальное внимание. Сотрудники Джареда, вероятно, думали, что я собираюсь переспать с их боссом. Хотя я и страстно желала объяснить им все, их предположения о наших отношениях не имели значения.

Когда я начала подниматься по покрытым ковром ступеням, Мюриэль окликнула Джареда.

Он жестом велел мне идти вперед.

– Я поднимусь через минуту, – он вернулся к пожилой женщине и заговорил с ней вполголоса.

Я оглянулась через плечо, но не затормозила, ведь они могли подумать, что я подслушиваю. Лестничную площадку цвета вишни украшала коллекция морских пейзажей в роскошных резных рамах: толстые мазки лавандового, серого и

золотого цвета оживляли измученные океаны, бросающие из стороны в сторону корабли с раздутыми белыми парусами. Я хотела прикоснуться к краске, но что, если это активирует сигнал тревоги? К тому же вряд ли стоило трогать произведения искусства. Я наклонилась вперед и прищурилась, чтобы разглядеть подпись внизу – Айвазовский³³. Кажется, я уже видела это имя где-то раньше. Может быть, в музее?

Выпрямившись, я наткнулась на кого-то.

Рефлекторно я поджала лопатки, свободные от крыльев. Не поворачиваясь, я спросила:

– Тебе обязательно стоять настолько близко?

– Не думал, что близость беспокоит тебя, учитывая, как ты вешалась на Тристана прошлой ночью.

Я резко обернулась. Даже несмотря на мои высокие каблуки, Джаред возвышался надо мной.

– Я позволила ему проводить меня, потому что он знаком с твоим домом, а я нет.

Джаред скептически фыркнул.

Я так сильно сжала кулаки, что одна из сторон пластыря отклеилась. Я приклеила ее назад и скрестила руки на груди, чтобы создать барьер между нами.

– Почему ты так стремишься загнать меня в угол? Думаешь, это заставит меня сбежать?

Взгляд Джареда напоминал шквал на морском пейзаже.

– Возможно. Или мне просто нравится наблюдать, как ты

³³ И. К. Айвазовский – знаменитый русский художник-маринист.

смущаешься.

– Не повезло. Я не смущаюсь, – я расправила плечи. –
Итак, что находится на этом этаже?

– Моя спальня.

– Она занимает весь этаж?

– Нет. Здесь еще две спальни, но они гораздо менее интересные, чем моя.

– И зачем мы сюда поднялись?

– Мне нужно принять душ и переодеться. А тебе нужно найти способ сделать меня добрым. Я не собираюсь спускаться до утра. Мими только что напомнила мне, что завтра первое число, и ты теперь знаешь, что происходит первого числа. Я подумал, что мы могли бы продолжить нашу необычайно поучительную беседу в моей спальне.

Я чуть приподняла подбородок.

– Ты же не планируешь что-то сделать со мной?

Улыбка сползла с лица Джареда, а взгляд стал жестче.

– В свободное время я отслеживаю насильников и растлителей малолетних и избавляюсь от них. Даже от тех, кто надежно спрятан в тюрьме. Так что, пожалуйста, никогда больше не намекай на подобное, – мужчина резко повернулся, его начищенные оксфорды заскрипели по паркету, и распахнул двустворчатые двери.

Я опустила руки и поплелась за ним.

– Ты не можешь просто убивать людей направо и налево.

– Я и не ожидал, что ты поймешь. У вашего вида искажен-

ное представление о справедливости.

– У моего вида? – мой позвоночник покалывало, как будто мои крылья вот-вот выскочат наружу.

Джаред повесил пиджак на спинку антикварного стула, стоящего за письменным столом, и принялся за запонки.

– Фанатов высших существ, – он бросил запонки на оранжевый поднос.

Как только Джаред расстегнул рубашку, я перевела взгляд на картину над его кроватью с балдахинном. Выполненные в пастельных тонах картины розовощеких женщин с золотистыми локонами резко контрастировали с панелями из темного дерева и простынями, которые блестели, словно жидкая сталь, в приглушенном свете, который исходил от книжного шкафа.

Мне нужно было уйти от темы религии, которая поднимала слишком неоднозначные вопросы.

– Ты действительно любишь искусство, да?

– Дядя любил.

– А ты нет?

Джаред пожал плечами.

– Я просто не избавился от них.

Я обернулась на него, заставляя себя не опускать взгляд на темные волосы, покрывающие его грудь.

– Почему ты не можешь хоть раз ответить прямо?

Джаред одарил меня испепеляющей улыбкой.

– Считай, тебе повезло, что ты вообще получаешь ответы

от меня. У меня нет привычки разглашать информацию о себе. Ни друзьям. Ни незнакомцам.

– Почему ты раздеваешься передо мной?

– Где мне стоит раздеваться, по-твоему, Перышко? Это моя спальня.

Когда его пальцы опустились к пряжке ремня, я резко от-вернулась.

– Я подожду в коридоре. Зайди за мной, когда примешь душ и переоденешься.

– Разве тебе не понравилось шоу? Я уже давно не разде-вался перед женщиной. – Мне было трудно в это поверить. – Может быть, у меня плохо получается?

К счастью, я стояла к нему спиной. И он не мог увидеть, насколько я взволнована. Я закрыла дверь и перешла на дру-гую сторону лестничной площадки. Каблуки стучали в такт прерывистому дыханию.

Мне не следовало ослаблять бдительность в присутствии Джареда. Я пока не понимала, какую игру он затеял, но мне она уже не нравилась. Я перегнулась через черные железные перила, страстно желая сбежать вниз по лестнице и пустить-ся наутек через двор.

Позволят ли мне его телохранители уйти?

Я обхватила перила дрожащими пальцами.

Ашерлеста.

Я сжала холодный металл сильнее, раненую руку пронзи-ла боль.

Я не могла уйти, хотя бы не попытавшись помочь Джареду.

Ты не можешь умереть, Лей, напомнила я себе в сотый раз.

Конечно, он мог бы пытаться меня, оставить синяки на коже или пустить пулю в лоб, но ангельская кровь исцелила бы меня. Пока у меня были крылья, я бессмертна.

Я закрыла глаза и заставила свое дыхание выровняться, а сердце успокоиться. Со мной все будет в порядке.

– Ты еще не надумала провести со мной ночь? – голос Джаред заставил мои ладони соскользнуть с перил.

Мужчина прислонился к дверному косяку, скрестив руки поверх черного шелкового халата до колен. Либо он принял самый быстрый в мире душ, либо я слишком долго размышляла о своей ужасной судьбе.

– Я думал, ты меня не боишься, – его губы изогнулись в уничижительной улыбке.

Это настолько очевидно?

– Ты сбиваешь меня с толку.

– А я-то считал себя открытой книгой.

Если Джаред был открытой книгой, то я была королевой Элизиума. А в моем мире нет королевской семьи.

– Хотел ли ты быть кем-то, кроме наследника своего дяди?

Мужчина нахмурился и ответил лишь после минуты напряженного молчания:

– Нет.

Однако затянувшаяся пауза говорила о том, что сказанное

– ложь.

– Кем бы ты хотел стать?

– Я только что сказал тебе. Больше никем.

– Ты колебался, – я подошла к нему. – А теперь ты злишься.

Джаред хмыкнул.

– Это мелочи, Перышко. Ты еще не видела меня злым. И ты не хочешь это видеть.

Шелковый халат распахнулся, обнажив мускулистый волосатый торс. Я не видела грудь Ашера, но видела его руки – золотистые и безволосые – и решила, что его грудь будет гладкой и изящной. Почему я вообще представляла грудные мышцы Ашера? Я хотела выйти за него замуж из-за его статуса, а не из-за фигуры. Хотя его тело – в отличие от тела Джареда – несомненно, было красивым.

– Увидела что-то привлекательное? – голос Джареда опустился на октаву ниже.

Все в этом грешнике было настолько темным, будто при рождении его вымазали в смоле. И эта смола окрасила его волосы, глаза и душу. Если бы у него были крылья, они тоже наверняка были бы черными как смоль.

– Интересно, – произнес он.

– Что?

– Твое молчание.

– Почему мое молчание интересно?

– Потому что я задал тебе вопрос, на который ты, похоже, не в состоянии ответить.

– Я могу ответить. Просто предпочитаю этого не делать. Джаред склонил голову к плечу.

– С чего бы это? Тебя явно тянет ко мне. Ты не можешь отвести глаз от моего тела.

Мои щеки запылали.

– Я просто никогда не видела никого настолько волосатого, как ты.

В глазах мужчины вспыхнуло веселье.

– Волосатого? Ты ведь осознаешь, что я мужчина? У большинства мужчин есть волосы на теле. У некоторых даже есть волосы на спине, что, к счастью, ко мне не относится.

От его кожи исходил знойный, дымный аромат, напоминавший мне благовония. Их зажигала одна из моих грешниц, когда проводила спиритические сеансы. Она имитировала связь с мертвыми, чтобы лишить доверчивых клиентов трудом заработанных денег.

Я сглотнула.

– Можем мы вернуться к обсуждению того, как мне выиграть с твоей помощью пари?

Джаред схватился рукой за дверной косяк и указал на свою спальню, которая казалась темнее, чем раньше.

– После тебя, Перышко.

Когда я протискивалась мимо него, волосы на его груди

коснулись моего плеча, отчего я покрылась мурашками. Я растерла свою обнаженную кожу, пытаясь спрятать реакцию тела. Чтобы Джаред не успел сделать поспешный вывод, будто это вызвано влечением.

Потому что он меня не привлекал.

Даже чуть-чуть.

Меня привлекали люди, чистые душой и сердцем. А не те, кто был окутан тьмой внутри и снаружи.

Глава 16

Я присела на краешек откидного кресла из воловьей кожи, стоявшего рядом с книжными полками. Как и в кабинете Джаред, полки украшали только антикварные книги в кожаных переплетах с золотым тиснением на корешках.

– Ты включил обогреватель?

Джаред ухмыльнулся.

– Это реакция твоего тела на мое, Перышко.

Он подошел к серебряному подносу, на котором стояли хрустальный графин с гравировкой, наполненный прозрачной жидкостью, ведерко для льда и два пустых стакана. Джаред взял один из стаканов, а я скрестила ноги и из-за этого чуть не навернулась с кресла. Для своего же блага я твердо поставила ступни назад на пол.

Мужчина улыбнулся.

– Тебе следует прилечь. Мы не скоро отсюда уйдем.

– Не беспокойся обо мне.

Джаред бросил в свой стакан два кубика льда, затем плеснул на них чем-то из графина.

– Это было любимое кресло моей матери. Обычно после обеда она читала, лежа на нем.

По какой-то причине его история заставила меня откинуться назад и замереть, что оказалось на удивление удобно.

Джаред сделал глоток, лед звякнул в стакане.

– Она умерла в нем.

Я тут же напряглась и вскочила, больше не чувствуя себя комфортно. Уставившись на натуральную воловью шкуру, я уже ожидала увидеть на ней пятно крови. Но жесткие волоски были белыми и коричневыми, а не красными.

– Ее убило не кресло, – он отпил еще своего напитка.

– Я-я так и не подумала.

Джаред взглянул за меня, на стол в противоположном конце комнаты. Прядь волос упала ему на глаза.

– Как она умерла?

Повисло молчание. Затем он произнес:

– Зарезала себя.

Я ахнула.

Души самоубийц не отправлялись ни в Элизиум, ни в Абаддон. Они считались слишком слабыми для перерождения. Именно поэтому ангелы считали жизнь даром, который нельзя выбрасывать и тратить впустую. Еще один закон, который я бы хотела изменить. Я верила, что каждая душа – которая не была запятнана безвозвратно – заслуживает шанса. Душу должны сопроводить через Жемчужные Врата и, по крайней мере, представить на суд Семерым. Прежде чем ее сочтут не подлежащей спасению и выбросят в эфир.

– Почему она покончила с собой?

– Потому что она слишком сильно любила моего отца и слишком слабо меня, – голос мужчины был тихим, однако резал, словно битое стекло.

– Ох, Джаред...

Если бы он был кем-то другим, я бы обняла его. Но Джаред не производил впечатление человека, которому нравились объятия, особенно иницилируемые не им.

– Не жалею меня, – пробормотал он. – Она была не в себе после смерти моего отца и сделала всем одолжение, когда умерла.

– Ты не можешь думать так на самом деле.

– Ты бы переживала, если бы твоя мать умерла?

– Я ее не знаю.

К тому же она не могла умереть. Если бы только не отказалась от своих крыльев. Но об этом раздумывали только те ангелы, которые благоволили Земле. Учитывая, что моя мать даже не ездила в гильдии, вряд ли она сильно любила Землю.

– Только посмотри. У грешника и святой есть что-то общее.

Это высказывание вытеснило все мысли о маме из моей головы.

– Мы оба остались без матери, – пояснил Джаред.

– Моя мама жива, я просто не знаю ее.

– Не хочешь иметь ничего общего с грешником, да?

– Я была бы счастлива иметь с тобой что-то общее, Джаред.

Знакомая боль пронзила мой позвоночник. Мой большой палец, который все это время теребил пластырь, все же окончательно оторвал его от ладони.

Только не еще одно перо.

Пожалуйста, только не перо.

Мои глаза защипало, когда колючее перышко скользнуло по моей лодыжке и опустилось рядом с упавшим пластырем.

Этот человек уничтожит мои крылья, если я не уйду прямо сейчас.

Я взглянула на мужчину влажным взглядом.

– Джаред, я должна... – я резко прервала себя, когда проследила за его пристальным взглядом – он уставился на пол рядом с моей бронзовой туфлей. – На что ты смотришь?

Джаред подошел и присел на корточки. Воздух в моих легких будто заменили камни.

Невозможно...

У него не было крыльев.

Он никак не мог видеть...

Джаред поднял пластырь и скомкал его, прежде чем швырнуть в сторону книжной полки.

– Хочешь новый?

Он оторвал мою раненую руку от бедра и проверил порез.

– Что за... Все зажило.

– Ранка была неглубокой, – выпалила я.

Джаред отпустил меня, и я прижала руку к себе.

Нестерпимо хотелось дотронуться до пера, но я не могла снова рисковать потеряться в воспоминании. Позже. Я заберу его позже. Оно не исчезнет, пока к нему не прикоснутся. Это заставило меня задуматься о пере, которое я потеряла

в холле прошлой ночью. Неужели кто-то непреднамеренно дотронулся до него? Люди не могли видеть перо, но если бы их рука даже случайно скользнула по нему, воспоминание все равно попало бы им в голову. Некоторые люди отмахивались от этого как от приступа головокружения, другие как от дежавю, кто-то же считал это божественным видением.

Вчерашнее перо, вероятно, засосали пылесосом.

Мой взгляд оторвался от пола и тут же наткнулся на тело Джаред и широко распахнутый халат. Воздух встал поперек горла, я сразу забыла о потерянном пере.

Я решила внимательнее рассмотреть завитки пастельной краски на холстах над кроватью.

– Не мог бы ты надеть нижнее белье, пожалуйста?

Боковым зрением я уловила его широкую улыбку. Конечно, мое смущение позабавило мужчину.

– Уверяю тебя, он не кусается, – усмехнулся Джаред.

– Забудь.

Я направилась к двери. Я пообещала самой себе, что уйду, если потеряю еще хоть одно перо. И я собираюсь сдержать это обещание.

– Куда ты?

– Домой. Я ухожу домой. Это была плохая идея.

– Ты проиграешь пари.

Я положила ладонь на металлическую ручку.

– В попытках выиграть спор я могу потерять нечто большее.

– Ты останешься, если я оденусь?

Я перестала давить на ручку, и она подалась вверх. Дверь осталась закрытой.

– Разве ты не хочешь, чтобы я ушла? Ты назвал меня мягкотелой и бесхребетной. Не говоря уже о сталкере.

– Мягкой, а не мягкотелой.

– Это должно было быть комплиментом? Потому что прозвучало иначе.

– Я не говорю комплименты. Приукрашивание жизни не способствует выносливости.

– Возможно. Однако это помогает выразить сострадание.

– Я не сердобольный человек, Перышко. Не знаю, с чего ты это взяла...

Я повернулась к нему.

– Хоть это и не твоя работа, ты наказываешь педофилов и насильников.

– Как я уже говорил, мне приходится этим заниматься, потому что ваш вид ничего не делает. Вы слишком заняты поиском проблеска надежды в их гнилых душах.

Я глубоко втянула воздух из-за этого наставления.

– Ты прав, Джаред. Мой вид расцарапывает уродство, чтобы найти хоть искру красоты. Мой вид пытается спасти грешников вместо того, чтобы покончить с их жалкими жизнями.

Мы прожигали друг друга взглядами из разных концов комнаты. Ну, я прожигала. Он просто смотрел на меня свои-

ми невозмутимыми, непроницаемыми глазами. Я напомнила себе, что Тройки зарабатывают уровень грехов не за послушание и нравственность. Они получают его за жестокость и эгоизм.

Джаред направился в противоположный конец спальни.

– Я предупредил охранников никого не впускать и не выпускать до утра.

Я ахнула.

– Ты собираешься удерживать меня против воли?

Его длинные пальцы легли на угол гладкой деревянной двери.

– Я не заставлял тебя возвращаться, Перышко, – мужчина скрылся из виду, но голос продолжал доноситься до меня. – Ты можешь дождаться рассвета в столовой. Все остальное под сигнализацией. Так что, если у тебя нет желания испытать на себе пушки моих охранников, советую оставаться в доме.

Моя челюсть отвисла в очередной раз.

– Неправильно удерживать меня против воли.

Джаред вышел обратно босиком, одетый в черную футболку и зауженные черные спортивные штаны. Он не казался человеком, у которого есть спортивные штаны, как и тем, кто запирает женщин. Нет, это неправда. На самом деле он казался способным на любую жестокость.

Джаред провел рукой по волосам, которые по мере высыхания вились все сильнее.

– Кажется, ты считала, что у меня есть моральный компас, – он взялся за ручку французских дверей, выходящих на балкон. Металлическая панель с лязгом отошла от потолка и пола, позволив стеклянным створкам распахнуться.

Я сжала кулаки, страстно желая ударить Джареда по руке. Он вызывал во мне худшие чувства. К счастью, из-за злости нельзя потерять перья. А вот из-за удара можно. Поскольку Джаред не возвращался, я отправилась за ним.

Я ворвалась на узкий каменный балкон, залитый лунным светом. Моим глазам потребовалось мгновение, чтобы привыкнуть к темноте. И еще одно, чтобы заметить Джареда на шезлонге.

– Позволь мне уйти, и ты больше никогда обо мне не услышишь, – бешеные удары сердца сотрясали мое тело. – Обещаю.

Мужчина повернул голову, чтобы посмотреть на меня.

– Конечно, Перышко, иди вниз.

– Я имею в виду не твою спальню, а дом.

Джаред посмотрел на свои наручные часы.

– Сигнализацию отключат через пять часов, чтобы впустить просителей. Тогда ты сможешь уйти.

– Почему?

– Что почему?

– Почему ты не можешь выключить сигнализацию сейчас?

– Код от системы сигнализации есть только у Амира и Мими. А они отсыпаются после вчерашнего праздника.

Похоже на ложь. Как он мог не знать код сигнализации в собственном доме? Я осмотрела внутренний дворик и заметила движение в сумраке – охранник. Я подошла к каменной балюстраде и на глаз измерила высоту падения.

– Последний человек, который спрыгнул с моего балкона, сломал позвоночник.

Я замерла.

– Не переживай. Его страдания продлились недолго. Мой охранник всадил ему пулю в череп.

Мой рот приоткрылся.

Джаред перевел взгляд на простирающееся над нами небо. Ни одна звезда не пронзала холодную тьму. Как и в Нью-Йорке, звезды затерялись в смоге и вечно горящих городских огнях.

– И прежде чем начнешь проповедь, знай, он был киллером, которому заплатили за мое убийство.

– Пустили бы твои охранники пулю в голову и мне, если бы я попыталась сбежать?

Джаред сцепил пальцы на животе.

– Если я им прикажу, то да.

– Ты бы приказал?

– Ты хочешь убить меня, Перышко?

Я покачала головой.

– Тогда тебе не о чем беспокоиться. А теперь почему бы тебе не присесть на другой шезлонг и не рассказать обо всем, что мне следует изменить в себе?

– Мне и стоя неплохо, – коротко ответила я.

Джаред перевел взгляд на мою обувь.

– На таких-то каблуках?

Я прислонилась бедром к грубым каменным перилам.

– Расскажи мне о том, как это работает. За какой помощью люди обращаются к тебе?

– Все по-разному. Но обычно за физическим возмездием или денежной помощью.

– Люди приходят к тебе за подаяниями?

– Ты выглядишь удивленной.

Просить милостыню на станции метро – это одно. Но протягивать сложенные лодочкой ладони главарю мафии – совсем другое. Не говоря уже о том, что деньги Джареда, вероятнее всего, были запятнаны кровью.

– Что ты просишь взамен?

– Ничего.

Будь это правдой, это означало бы, что он великодушен. А великодушие стирало очки грешности. Однако с момента занесения в Систему Оценки его уровень никогда не колебался.

Тогда до меня дошло почему – деньги были не его. Грязные деньги перечеркивали любое доброе дело, совершенное с их помощью.

– А физическое возмездие? В чем оно заключается?

– От избиения супругов до запугивания боссов.

– Ты отвечаешь за избиение или запугивание?

– Каким бы героем я был, если бы не занимался спасением?

И вот мы снова вернулись к его комплексу Робин Гуда.

– Ты проверяешь информацию заявителя, прежде чем отправиться в бой с оружием наперевес?

– Я знал, что ты считаешь меня аморальным, но не думал, что и дураком тоже.

Я вздохнула.

– Я не считаю тебя глупым, Джаред. Вероломным, расчетливым, властным, но не глупым.

– Спасибо.

Я пододвинулась, потому что камень впивался мне в ногу.

– Это не комплимент.

– Мой дядя тоже таким был. И даже больше.

– Кажется, ты боготворил его?

Джаред улегся на сцепленные за головой руки.

– Он добился всего сам. Бросил школу в тринадцать лет, затем шесть лет проработал на конезаводе под Парижем. Он начал с того, что разгребал лошадиное дерьмо. А затем стал дрессировать их. Одна из лошадей в итоге била все рекорды два года подряд, заработав конюшне миллионы³⁴. В благодарность владелец дал моему дяде пять тысяч евро³⁵. Пять тысяч евро, – Джаред фыркнул.

– Ему могли и вовсе ничего не дать.

³⁴ 1 000 000 евро ≈ 60 450 000 рублей.

³⁵ 5000 евро ≈ 300 000 рублей.

– Ах... вечный голос разума.

– Я не имела в виду, что он не заслуживал большего.

– Нет, ты намекнула, что он должен был быть благодарен за эту подачку.

Я пожала плечами.

– Итак, как он прошел путь от дрессировщика лошадей до, – я кивнула в сторону двора, – этого?

– Почему бы тебе не присесть? У меня от тебя сводит шею.

– Уверена, твоя шея в полном порядке, – сказала я.

– Ты безжалостна.

Я закатила глаза.

– Так что случилось потом?

– Потом он поблагодарил своего босса и любезно вернул премию.

– Вернул?

– До последнего пенни. Однако затем он попросил своего босса подарить ему тощего жеребенка из посредственной родословной. Дядя знал, что его собирались продать на соседний конезавод за бесценнок. Однако он наблюдал за жеребенком и заметил в его мышечной структуре нечто такое, чего не заметили ни его босс, ни заводчик.

Комары вились вокруг единственного светильника, опутанного густым плющом. Их жужжание время от времени перекрывал визг шин на дороге перед особняком Джареда.

– К ужасу моих бабушки и дедушки, он привел жеребенка домой. У их дома в пригороде был только задний двор, – на

лице Джаредда промелькнуло веселье. – Дяде запретили держать лошадь дома. У моей бабушки в соседней деревне была подруга с большим поместьем. Бабушка спросила, не согласится ли она взять лошадь. И та согласилась, но заставила дядю пообещать взять всю заботу о животном на себя. Когда сбережения дяди иссякли, он спросил женщину, есть ли у нее для него какая-нибудь работа. Работа нашлась – дом был очень старый и нуждался в починке. В итоге дядя проводил там большую часть дней. А летом, после визита внучки старшей леди, стал проводить там и ночи.

– Почему?

– Он влюбился.

Я попыталась совместить образ безжалостного основателя «Суда Демонов» из своего воображения с тем, кого Джаред описывал как трудолюбивого, влюбленного и честного человека.

– Они вместе тренировали жеребенка. И как только ему исполнилось два года, моя тетя, хрупкая женщина, стала жокеем. Когда-нибудь слышала о *Le Démon*³⁶?

Я приподняла брови.

– Он дал лошади такое имя?

– Очевидно, у жеребенка был вспыльчивый характер, – Джаред натянуто улыбнулся. – Он выиграл Приз Триумфальной арки³⁷ и таким образом стал величайшей лоша-

³⁶ Демон (фр.).

³⁷ Приз Триумфальной арки – конный турнир, проходящий во Франции (фр.).

дью, когда-либо выступавшей на французских ипподромах. Дядя был в восторге, когда прочитал заголовок: «*Le Démon champion*»³⁸.

– Полагаю, он заработал много денег на этой лошади, – я была так поглощена рассказом, что незаметно для себя подошла поближе к свободному шезлонгу.

– Много – это мягко сказано. Эта лошадь позволила ему купить этот дом, – он склонил голову набок, – и конный завод в Шантийи³⁹.

Наконец я села, чувствуя, что у этой истории не будет хорошего конца. Так как Адлеры не были известными заводчиками лошадей.

– Примерно год спустя, пока дядя уехал обсуждать права на разведение, кто-то ворвался в конюшню и всадил пулю в череп *Le Démon*, а затем еще одну в грудь моей тети, когда она попыталась спасти лошадь.

Я вздрогнула.

– Дядя неделями выслеживал убийцу. Им оказался его бывший босс. Этот козел чувствовал себя обманутым. Он сказал, что застрелил мою тетю, потому что она встала у него на пути. Что это был несчастный случай. Дядя обратился в полицию с собранными им доказательствами, но их отклонили как несущественные. Однако это было не так. Дядя даже сумел записать признание, но начальник полиции сказал,

³⁸ Чемпион Демон (фр.).

³⁹ Шантийи – город на севере Франции.

что оно получено незаконно и поэтому неприемлемо в суде. Вот тогда-то он и взял дело в свои руки. Навестил своего бывшего босса и выстрелил в него – сначала чтобы ранить, а затем убить. Дядю поймали и бросили в тюрьму. Правительство пыталось наложить арест на его активы, но он записал все на имя моего отца... Моего отца, который тогда был еще несовершеннолетним. Короче говоря, следующие несколько лет дядя обзаводился ценными контактами и обучался новым навыкам. Он вышел за хорошее поведение через десять лет.

– Хорошее поведение?

Джаред одарил меня мрачной ухмылкой.

Я рассматривала светлые стены дома, усеянные настолько блестящим стеклом, будто его начищали ежедневно.

– Значит, тюрьма заставила твоего дядю создать это место?

– Нет, Перышко, несправедливость заставила. Тюрьма просто дала ему инструменты.

Я прикусила губу.

– Раздумываешь, насколько мы с дядей ужасные люди?

– На самом деле я думаю о том, какой ты хороший рассказчик, Джаред. Ты заставил меня почувствовать к твоей семье что-то, кроме страха и неприязни.

Глаза мужчины заблестели.

– Осторожнее, Перышко.

Я скрестила ноги.

– В каком смысле?

– Я могу тебе действительно понравиться.

Я крепко сжала колени.

– Из-за хорошей истории ты не станешь более приятным человеком. Однако если ты позволишь мне уй...

– Иди, – он указал подбородком в сторону своей спальни. – Сигнализации нет.

– Ты солгал?

– Да.

– Почему?

– Потому что это я. Я лгу. Шантажирую. Вымогаю деньги. И иногда убиваю. Я плохой, очень плохой человек, Перышко.

– Зачем ты заставил меня почувствовать себя твоей пленницей?

Взгляд Джареда пробежался по оранжевым волосам, которые я перебирала в руках.

– Потому что это весело.

Я отпустила волосы и положила руки на плотную подушку.

– Весело? – прохрипела я, искренне уязвленная тем, что он получил удовольствие от моего страха.

Когда мои волосы рассыпались по лопаткам, я заставила себя подняться. Жестокость его прощальных слов сделала мои движения резкими.

Джаред наблюдал за мной тяжелым взглядом, что разо-

злило меня еще сильнее.

– Счастливой жизни, Джаред Адлер.

Он ничего не сказал, даже не попрощался. Даже не сказал «скатертью дорога».

Я остановилась на пороге между его балконом и спальней.

– Хоть часть этой истории была правдой?

– Может, да, – он снова взглянул на небо. – А может, и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.